

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ДИВЕРСАНТ №1

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Диверсант № 1

«Автор»

2004

Самаров С. В.

Диверсант № 1 / С. В. Самаров — «Автор», 2004 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 5-699-06185-1

Черные тучи сгустились над «старушкой Европой». Одновременно в трех столицах Старого Света – Москве, Париже и Амстердаме – амбициозный американский миллиардер планирует организовать грандиозный по своим масштабам и чудовищный по своим последствиям террористический акт с применением бактериологического оружия... Спасти целую цивилизацию от тотальной атаки придется старым приятелям-спецназовцам. Для этого им нужно захватить группировку «Черные ангелы», которые везут споры сибирской язвы в континентальную Европу. Впрочем, уничтожить курьеров – еще полдела.

ISBN 5-699-06185-1

© Самаров С. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Самаров

Диверсант № 1

ПРОЛОГ

1

Уютный и чистый, неторопливый в повседневной жизни, традиционно почти спящий городок в Зауралье – Верхнетобольск – никогда не знал такого происшествия. Выпить здесь народ – это уж да! – любил, да и подраться после выпивки никогда себе не отказывал в удовольствии. Бывало, и унести, что плохо лежит и глазу ненароком приглянется, охотники находились.

А чтобы случилось как в этот раз – нет, даже из старожиллов никто подобного вспомнить не смог, а среди них еще есть пара таких, которые восьмидесятилетие не помнят, когда отмечали...

Телевизор в Верхнетобольске четыре канала принимает. Один областной и три московских. А у хозяина универмага, залетного армянина Самвела Гараяна, даже спутниковая антенна есть. Впрочем, спутниковые передачи, кроме самого Самвела и его семьи, никто в городке не видит – это тоже жадность, хотя и несколько иного рода. Но по другим каналам кино здесь регулярно смотрят, может быть, даже любят, за отсутствием других человеческих развлечений, и потому верхнетобольчане сразу поняли суть происшествия так, как телеэкран и учит их. Среди бела дня на самой оживленной улице небольшого городка, на виду у всех, остановилась машина – грязновато-серого цвета микроавтобус «Газель». Распахнулась дверца салона, оттуда выскочили люди в масках, черной резиновой дубинкой ударили по голове гуляющего семидесятилетнего пенсионера, бывшего учителя истории одной из трех местных школ, армейского инвалида Владилена Юрьевича Столбова, затолкали его, подогнувшего ноги и уже падающего без сил, в салон и уехали.

Машину вечером следующего же дня нашли пастухи. Похитители бросили ее недалеко от Тобола в заболоченной, кочкастой низинке, скрытой с одной стороны, от дороги, березовым колком, с другой, от реки, где рыбаки часто с лодок «дорожки»¹ распускают, гнутым по ветру ивняком. Должно быть, надеялись, что не скоро занесет кого-то бог в эту низинку. Бог занес туда корову, пожелавшую обмочить в грязи ноги. За коровой, пощелкивая кнутом, двинулся молодой пастух в сапогах с отворотами. Он машину и нашел. И сразу сообразил, что это именно та машина, которая пропала из глаз районной милиции и постов ГИБДД – словно сквозь землю провалилась вместе с пассажирами.

Верхнетобольчане размышляли о происшествии недолго, поскольку телевизор давно научил их выводить из таких сюжетов суть. Приговор был вынесен решительный, чуть не единоголосный. У Столбова в Екатеринбурге живет сын Алексей, по слухам, богатый деляга, не чета залетному армянину Гараяну. Значит, будут теперь деньги с сына тягать. Выкуп, как и полагается...

Следователь районной прокуратуры Юргин к такому мнению тоже прислушался и уже вечером разыскал телефонный номер Столбова-младшего, предварительно обзвонив многие инстанции. Поговорил. Нет, никаких сообщений, касающихся отца, к сыну не поступало. И звонок следователя Юргина явился для него полной неожиданностью.

---

¹ «Дорожка» – рыболовная снасть.

Алексей пообещал сразу же выехать в Верхнетобольск, чтобы помочь следствию.

– Чем? – поинтересовался следователь Юргин, откровенно позевывая в трубку.

Алексей помолчал несколько секунд, потом резко ответил:

– Умом...

И после этого в ухо следователю донеслись только короткие гудки. Он слушал их долго и внимательно, соображая – дураком его все-таки обозвали или нет?

Но долго соображать ему времени отпущено не было, и, не сумев вынести категоричное решение, он вынужден был трубку положить. Следователю принесли протокол осмотра найденной в низинке машины. «Газель» угнали в областном центре буквально накануне происшествия. Владельца оглушили резиновой дубинкой, точно так же, как старика Столбова. Потом связали, засунули кляп в рот и бросили во дворе собственного дома. Нашла его вечером, вернувшись с работы, жена, вызвала «Скорую помощь», и пострадавшего с диагнозом «сотрясение мозга средней степени тяжести» отправили в городскую больницу.

В машине отпечатков пальцев злоумышленников обнаружено не было. Руль, рукоятка рычага коробки передач, поручни и даже дверные ручки аккуратно обработаны влажной тряпкой с запахом бензина.

Опера райотдела нашли, правда, недалеко след автомобильного протектора, достаточно четко отпечатанный во влажной земле. Возможно, это был след машины, на которой злоумышленники уехали с места преступления. Ширина шины говорила однозначно, что берег Тобола посетил серьезный джип. Но большей информации след протектора не дал. Резина новая, без характерных признаков.

Правда, в салоне «Газели» нашли отвалившийся от обуви кусок почвы. Первоначальное заключение эксперта таково: почва глинистая, с высоким содержанием высококачественной белой глины, которая не используется в строительстве, а идет исключительно для художественных промыслов. В самом районе и его окрестностях таких месторождений глины не разрабатывается. Есть ли они в области – следует проверить. Но эксперт оговорился особо. Вероятно предположить, что сильно ограниченные залежи есть на каком-то небольшом участке, и участок этот определить не представляется возможным. Саму же обувь из-за недостаточности куска почвы определить точно нельзя. Злоумышленник мог с одинаковым успехом носить и кроссовки, и обыкновенные туфли с модным ныне тяжелым протектором, и тяжелые башмаки полувоенного образца. Во всех случаях глубина протектора может быть подходящей.

Второй протокол был составлен после осмотра квартиры похищенного. Дверь пришлось вскрыть, поскольку ключей не было. Единственный экземпляр остался, должно быть, в кармане самого старика. В школе учитель-пенсионер уже давно не преподавал, занимаясь на досуге любимым своим делом – краеведением. В соответствии с этим у него дома было значительное количество различных документов, чужих писем разной степени давности и даже, можно сказать, древности, много карт района с непонятными пометками. Но оснований предположить, что увлечение пенсионера стало причиной похищения, не было. Чтобы сказать утвердительно и конкретно, необходимо разобрать весь архив Столбова. А на это у следователя прокуратуры, как и у милицейских оперов, нет ни сил, ни желания, ни времени. А главное, они не увидели в этом необходимости, когда в руки просто просится такая явная и бесспорная версия...

Вот, в принципе, и все, что сумели пока набрать.

И следователь Юргин не знал, как подступиться к делу, в котором так мало концов. И потому, как и милицейским операм, ему пришлось согласиться, чтобы единственная версия, подсказанная в городке, стала рабочей. Предполагалось, что старика повезут в Екатеринбург, чтобы вытрясать деньги с богатого сына...

Опасно, оказывается, быть родителем богатого человека!

2

Джошуа Гольдрайх во всем считался преуспевающим человеком.

Ему многие завидовали, и было чему. К примеру, деньгам, которые текли к нему рекой без всяких усилий с его стороны – настоящей рекой по трубе нефтепровода, не знающего усталости и перерывов на обед. Или женщинам, самым красивым женщинам, которые сами стремились навстречу молодому миллиардеру. Даже голове, которая рождала идеи без всякого старания самого Джошуа, и идеи эти опять сами собой превращались в деньги. Он же, однако, относился и к своему богатству, и к своему обаянию, и к своим умственным способностям равнодушно, считая все это естественным от рождения, как умение дышать или переваривать пищу. Своего рода – врожденным инстинктом.

Получив после смерти отца в наследство громадное состояние, Джошуа перепоручил все дела своим управляющим, сам вникая в них только во времена биржевых лихорадок, время от времени приходящих, но быстро проходящих. Обычно это случалось не больше трех-четырёх раз в год. Там его алогичный ум придумывал такие нестандартные ходы, что управляющие и маклеры только затылки чесали, не веря в успех авантюры. Но успех приходил вопреки ожиданиям самых прожженных спецов и, как правило, приносил сотню миллионов долларов. Спецы опять чесали затылки. Им непонятно было, на чем основывает молодой Гольдрайх свой расчет. Они все были образованными экономистами. А он был психологом. Хотя придумал сам для себя термин, обозначающий непонятную другим сферу интересов изучения, – экономический психолог. И именно на психологию опирался, когда задумывал следующую авантюру, чтобы слегка развлечься, именно с помощью психологии просчитывая свои очередные ходы. Он заранее знал, как поведут себя опытные экономисты в той или иной ситуации и какая ситуация поставит их в тупик. Он любил ставить людей в тупик, еще раз подчеркивая этим свое над ними превосходство. Приятно сознавать, что ты один знаешь выход.

Однако и там, у себя в Америке, ему всегда было скучно за пределами Лас-Вегаса, где он восхитительно и ярко «сгорал»... Игра была единственной и всепоглощающей его страстью. Все же остальное казалось нудным и утомляющим.

Удивительные математические способности и великолепная память, соединенные с природным артистизмом, доставшимся от матери, пробовавшей себя когда-то в роли бродвейской актрисы, делали его непревзойденным игроком в покер. Но именно поэтому покер волновал Джошуа мало. Просто выигрывать ему было тоже скучно. Он предпочитал рулетку, где ничего не зависело от него и где правила только Великая Госпожа Удача. Повезет или не повезет... Чаще всего ему не везло, точно так же, как и всем остальным игрокам. Везло единицам и исключительно от случая к случаю. Джошуа Гольдрайх в эти единицы тогда еще не входил.

Пока был жив отец, старый Леонидас Гольдрайх, он пресекал все попытки сына понять суть Удачи и раскусить ее природную сущность. Целая специальная группа, составленная из частных детективов, обшаривала Лас-Вегас каждый раз, когда сын пропадал из дома. Это тоже была игра. И Джошуа нравилось от них прятаться, проявлять изобретательность, гримироваться, менять по три парика и по четыре костюма за день, чтобы остаться непойманным и продолжить вечер, глядя на вращение колеса Фортуны.

Иногда он ловил себя на мысли, что отец, обладая, может быть, теми же талантами, что и сын, только более целенаправленными, знает наперед каждый его шаг и посмеивается при этом, давая сыну порезвиться. То есть принимает его игру, сам являясь игроком более сильным. И в нужный момент всегда готов сделать решающий шаг, чтобы поставить сына в тупик. Отец был от природы сильным шахматистом и продумывал партию на много ходов вперед.

Когда отец скоропостижно умер от инсульта, Джошуа сразу после грустного вечера в кругу далекой родни, со стремительностью жадных ворон прилетевшей на похороны в надежде,

что их не забыли упомянуть в завещании, отправился на небольшой частный аэродром, где его уже поджидал личный самолет, и своим ходом отправил в нужный город свой большой автомобиль.

Лас-Вегас... Фиолетовый зал прославленного «Gold donkey»² предназначен только для избранной публики, и случайных посетителей сюда не допускают... Здесь стоимость каждой фишки равняется ежевечерней игре за каждым столом в общем зале. Однако в этот раз Джошуа возмутительно везло. Он больше смотрел за игрой других и только изредка с досадой ставил по целой горсти фишек традиционно на «двойной ноль», то есть на самый редкий номер всего волшебного и чарующего рулеточного круга, и выигрывал целые состояния.

Это было так скучно, что Джошуа мрачнел все больше и больше. Это было даже скучнее, чем выигрывать на бирже, когда глупые люди думают, что они ужасно хитрые, а на самом деле их просто водят на ниточках, словно марионеток, те, кто поумнее и знает человеческую природу.

И он покинул казино очень рано...

На следующий день он играл опять в том же фиолетовом зале и в той же вызывающей манере – опять ставил исключительно на «двойной ноль». И уже через час досадливо махнул рукой, покидая слегка затемненное в сравнении с общим залом помещение, чтобы перебраться в другое казино. Здесь делать нечего – здесь он вульгарно выигрывает, и получается это помимо его воли и даже вопреки ей.

От испорченного выигрышем настроения Джошуа выгнал с привычного места своего водителя и сам сел за руль. Пусть водитель прогуляется пешком по ночному городу. На высокой скорости Джошуа ездил по улицам больше часа, не зная, где остановиться, чтобы снова испытать судьбу. В конце концов выбрал самое захудалое казино «Меймалюк-Кид»,³ где бывал только однажды, и ушел оттуда обобраный.

На высоком каменном крыльце, перед которым длинный лимузин «Линкольн» остановился, кого-то с откровенным удовольствием, но слегка лениво, словно выполняя привычную работу, били два крепких охранника. Иногда исподтишка добавлял удар и мягкотелый швейцар коварного сутенерского вида. Джошуа громко зевнул и остановился полюбоваться зрелищем. Швейцар поймал его вопрошающий взгляд.

– Шулера учат, сэр, – объяснил он. Швейцару положено отличать хозяина машины от водителя, несмотря на то что хозяин вышел с водительского места.

– Хватит с него... – неожиданно сам для себя сказал Джошуа, устав наблюдать одноственное зрелище. – Я хочу с ним поиграть...

Швейцар бросился к охранникам, избавляя шулера от новых ударов. Тот выпрямился и посмотрел на Джошуа не с благодарностью, а с насмешкой. Как швейцар привык определять денежный уровень людей не по одежде и внешнему виду, а по манере держать себя, так же шулер привык к тому, что его время от времени бьют. И он «держать» удары умеет, прекрасно ориентируясь даже в такой обстановке и стремясь только к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности лицо и пальцы, закрываясь локтями.

Джошуа сунул в руку швейцару сто долларовую бумажку, зная, что совать больше двадцати долларов считается неприличным. Но у него не было с собой мелких купюр.

– Приведите его в порядок и отправьте ко мне. Я буду там, – ткнул он пальцем в сторону стеклянной двери.

В зале Джошуа не играл. Только присматривался. В «Меймалюк-Киде» не держали зала для избранной публики, а в единственном существующем игра шла настолько мелкая, что за

---

² «Gold donkey» – «Золотой осел», самое элитное казино в Лас-Вегасе, где еженедельный оборот доходит до ста миллионов долларов.

³ В этом же зале обычно проводят боксерские поединки профессионалов.

ней даже наблюдать было скучно. И потому он, в ожидании, решил пока выпить. Но и коньяк здесь оказался никудышным. В принципе, ждать другого и не приходилось. В приличных казино никогда не бьют шулеров на крыльце заведения. В приличных казино вообще держат антишулеров, которые своей игрой не позволяют выигрывать шулерам. Но даже если шулер и будет вести себя вызывающе, с ним поступят не так откровенно, хотя, может быть, и более жестко.

Битого, наконец, привели. После умывания выглядел он совсем свеженьким.

– Здесь скучно, – сказал Джошуа шулеру. – Поехали ко мне.

– Зачем? – поинтересовался тот с нагловатой ухмылочкой.

– Играть.

– У меня деньги отобрали.

– Я тебе дам.

– Едем...

Самодовольство шулера переходило границы приличия. Но Джошуа не обратил на это внимания. Он посадил своего гостя на место пассажира, сам сел за руль и через полчаса уже остановился у отеля, в котором снимал шестикомнатный номер.

За стол, на сей раз не покрытый зеленым сукном, они сели почти сразу по прибытии. Трижды за полчаса Джошуа ударил шулера по рукам, когда тот откровенно неумело пытался подсунуть лишнюю карту. Но уже через сорок минут те десять тысяч долларов, что Джошуа выделил противнику на игру, вернулись в его карман. И это безобразие произошло при том, что он играл честно.

– Иди отсюда... – напутствовал Джошуа шулера на прощание и дал ему стодолларовую бумажку на такси.

Ему опять стало скучно до усталости.

Когда дверь за гостем закрылась, Джошуа сказал сам себе:

– Надоело здесь... Прокачусь-ка я, друг мой Джошуа, в Европу...

3

Ветер шел с востока, из Германии. Не крепкий, но устойчивый, в верхах. Как чувствовалось по движению туч, даже тугой и упругий. Нормальный предосенний ветер. Но верхний слой мало интересовал человека в черных одеждах, который стоял на самом краю крыши современного двенадцатиэтажного дома на окраине Кольмара, древнего эльзасского городка недалеко от германской границы. В таких домах живут люди с достатком ниже среднего, и архитекторы подобные дома не украшают.

Человек на крыше пытался прочувствовать более низкие воздушные потоки.

– Что скажешь, Ренат? – спросил его один из троих людей, стоящих чуть поодаль, за спиной, словно они не рисковали подойти к краю из страха.

– Хороший ветер. Главное, чтобы резко не крепчал...

– Скоро?

– Пусть еще чуть-чуть стемнеет.

Человек в черных одеждах посмотрел на часы и сам себе удовлетворенно кивнул.

– Карту еще раз разверните. Последняя проверка...

Перед ним расстелили на крыше подробную карту города. Посветили фонариком, чтобы было лучше видно. Ренат взял фонарик в свои руки, в который раз уже изучая маршрут, и провода электропроводки, и растяжки рекламы, и все помехи, которые могут встретиться ему на пути. Все это он наносил на карту сам, не доверяя чужому глазу, в течение целой недели. О собственной безопасности всегда лучше проявлять личную заботу. Так надежнее.

Оторвав взгляд от карты, Ренат положил на нее фонарик и оглядел горизонт.

– Внизу уже вечер, – сказал он, – тучи темные. Меня никто не увидит. Звоните наблюдателю. Я вылетаю.

Еще один человек из тройки сопровождения набрал номер на мобильном телефоне.

– Он вылетает. Будьте внимательны. Приготовьте секундомер.

Ренат тем временем засунул в крепление на груди обыкновенный кирпич, какой нетрудно подобрать на любой строительной площадке города. Подергал его рукой, проверяя крепление на прочность. На голову надел шлем со специальным оптическим прицелом. И только после этого подошел к черному дельтаплану, что дожидался его в стороне. Помощники придержали дельтаплан, пока Ренат застегивал крепления.

– Готов, – сказал он, когда руки с широко расставленными локтями прочно и жестко легли на трубчатую титановую трапецию.

– Он готов, – передал сообщение человек с телефоном.

– Я пошел! – Ренат сделал глубокий решительный вдох и с выдохом начал короткий разбег.

– Он пошел... Секундомер! Подгоняйте машину!

Разбег был коротким, но пружинистым и стремительным, как на спринтерской дистанции. Ветер упруго лег под шелковую плоскость. И Рената понесло над освещенными улицами современных районов в сторону старинного городского центра. Но центр ему пересекать не надо. Даже красивые каналы «маленькой Венеции»⁴ не надо пересекать. Только пролететь над задворками восьмисотлетнего доминиканского монастыря, где сейчас располагается музей Унтерлинден. И снова углубиться в современный район. Это самая безопасная трасса для полетов. Не самая короткая, но с наименьшим количеством препятствий.

Крыло легко подчиняется велению опытных рук. Все тело рукам помогает, перемещая центр тяжести при маневре. И хотя полеты дельтапланов над городами запрещены и опыта таких полетов Ренат не имеет, он не видит большой разницы в обеспечении безопасности здесь и над чистым полем, потому что хорошо различает воздушные потоки и предвидит вероятность образования воздушных ям и встречных течений. Особенно опасными оказались первые минуты опробования воздуха. Это почувствовалось по нескольким ударам ветра, резко поднимающегося по стенам домов. Дальше дело должно идти проще, потому что этажность кварталов при приближении к центру старого города снижается и воздушные потоки становятся более протяжными, предсказуемыми, лишенными порывистости. Кроме того, снижение до рискованного уровня, где электрические провода могут создавать опасную преграду, предстоит только на небольшом отрезке всего полета. Но тот участок выучен наизусть. Маневра там, в принципе, никакого не надо. И только в двух местах предстоит слегка снизить, а потом слегка повысить уровень полета. Но потом необходимо вернуться на прежний уровень, потому что оптический прицел отрегулирован и установлен строго для определенной высоты, которой и необходимо придерживаться. Именно на этой высоте Ренату и предстоит провести контрольную пробу. До этой пробы проходили тренировочные полеты вне города. Там все было выполнено удачно.

Сам город Кольмар не слишком велик, чтобы можно было устать от полета над ним. Пусть он, по французским меркам, и считается туристическим центром. И белобрысые кольмарцы говорят, что Парижу по красоте до их города далеко. Но мерки Евразии здесь не подходят. По евразийским просторам Ренату летать приходилось намного дольше и намного дальше. А здесь... Хорошо было бы вообще полетать над Кольмаром днем в свое удовольствие. Просто так... Только ради наслаждения и удивления горожан и туристов.

Но сейчас Ренат здесь не для того.

---

⁴ «Маленькая Венеция» – район Кольмара, построенный по принципу Венеции, где улицы заменяют каналы. Место паломничества туристов.

Он не турист. Он – «черный ангел».

Они еще не знают, что это такое. Но узнать им всем предстоит...

Центр города остался позади и чуть в стороне. Скоро Ренат начал снижаться, заходя, как в коридор, в улицу, состоящую из высотных домов. Здесь существует некоторая вероятность быть замеченным. Но в вечернее время в обитаемых комнатах уже горит свет. А со света рассмотреть то, что делается за окном, проблематично. Только если кто-то стоит у оконного стекла в комнате, где свет выключен, есть вероятность рассмотреть дельтапланериста. Но здесь никто, пожалуй, не знает, что такое дельтаплан. Если и видели такие летательные аппараты, то только белые и только днем. А этот – черный, и сам дельтапланерист одет в черные одежды. Он промелькнет «черным ангелом» и исчезнет во мраке. Его примут за призрак, за мираж. И правильно. Он и есть – призрак, или, как говорят в Европе, фантом. Он – настоящий «черный ангел», несущий смерть. Смерть по имени «anthrax». Сам он – «черный ангел» по имени «anthrax». А снизу, даже если кто-то и задерет кверху голову, заметив промелькнувшую в высоте черную тень, тоже ничего не разберет – контуры дельтаплана сольются цветом с низкими облаками. Осень в этом году приближается стремительно. И уже в конце лета даже в солнечной Франции облака больше напоминают цветом тучи. Погода помогает...

Ренат сориентировался и начал снижение. Так, миновал первый опасный участок. Сразу после этого поднялся выше – вторая преграда пройдена. Теперь строго на нужный уровень высоты.

Где контрольное окно с синим светом?

Вот оно! Все правильно. Дальше – выдержать высоту на коротком финишном отрезке.

Опущена голова. Короткое движение пальца, и прицел со щелчком падает на нужный уровень, прилипает к стеклу. Ренат смотрит вниз внимательно. Вот и она – машина с отметинной на крыше фургона. Стоит под фонарем, чтобы невозможно было ошибиться. Эту машину специально угнали час назад и сделали на крыше отметину. Теперь поймать в прицел линию и рассчитать поступательное движение кирпича.

Это все уже выверено на предварительных тренировках. Это не сложнее игры в боулинг...

Пора!

Пальцы ухватываются за шнур крепления груза. Легкое движение корпусом, и кирпич летит в цель. Сам Ренат не видит результата. Он уже занят другим. Выбраться из этого коридора труднее, чем в него забраться. Здесь слишком много растяжек и рекламных вывесок.

Он начал выполнять маневры, управляя дельтапланом с мастерством, не каждому доступным. Встала в памяти карта, которую рассматривал при свете фонаря. Но он и без того знал эту карту наизусть, поскольку сам выставлял контрольные отметки.

...Именно это и подвело Рената. Новая растяжка, приготовленная для вывешивания рекламы, на карту занесена не была. И увидеть ее во мраке можно только в непосредственной близости. Он увидел. Но времени на маневр не осталось. Тело на высокой скорости ударилось в провод, а крыло продолжило движение...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

– Чем все-таки отличается спецназовец, – лениво посмеиваясь, втолковывал Доктор Смерть отставному капитану ФСБ, а ныне руководителю российского бюро подсектора Интерпола по борьбе с терроризмом Александру Басаргину, – от обыкновенного опера в боевой обстановке? Скажем, от «альфовца», – кивнул он в сторону Андрея Тобако, не смущаясь тем, что Андрей уже более десятка лет как с «Альфой» распростился. – Вы, опера, без оружия ни на что не способны. Думать вы, конечно, иногда умеете, отдельные особи даже интересно думают... Но жизнь такова, что раздумья не спасают, когда кто-то имеет основательное желание тебе «фотокарточку» набок своротить. Вот идет человек, у него руки заняты, ему угрожают, а он оружие достать не имеет возможности, или просто нет у него оружия при себе... Опер в таком случае может отнести себя к совсем пропащим без всякого сомнения. А спецназовцу необходимо только сблизиться с противником. Потому что он сам – ходячее оружие.

Они обсуждали ситуацию, когда обыкновенный охранник, грубо говоря, вахтер, у внутренней двери административного корпуса в центре Москвы задержал киллера, только что совершившего убийство политика, и после выяснения оказалось, что киллер – бывший опер уголовного розыска. В соответствии с «законом жанра» киллер избавился уже от оружия и не смог оказать сопротивления физически лучше подготовленному охраннику. Рассказ об этом только что принес Тобако, который навещал старых товарищей по службе, большинство из которых уже давно на пенсии и называются ветеранами.

– Я бы на месте этого киллера с улыбкой весь пост охраны штабелем уложил... – скромно заметил Доктор. – И уважаемый господин Тобако поступил бы так же...

– Ты бы их уложил одной улыбкой, – сказал Андрей. – Они упали бы, как только твою улыбку увидели, и сами бы, торопясь и толкаясь, в штабель сложились...

Это началась их привычная пикировка.

Доктор встал и в самом деле улыбнулся сквозь бороду с высоты своего двухметрового роста.

– Может быть, Андрей и прав. – Пикировку он, однако, не поддержал, надеясь отыгаться на Басаргине. – А вот ты бы, командир...

– А я бы на месте киллера не оказался, – ответил Александр, не расположенный к шутиливой беседе. Он и без того не всегда чувствовал себя уютно в обществе своих помощников, которые не только старше его каждый на пятнадцать лет, они еще и старше его по званию предыдущего места службы – оба были когда-то майорами и по опыту работы в Интерполе имеют преимущество. Хотя к такому положению он начал уже привыкать, тем не менее предпочитал держать определенную дистанцию, чтобы скрыть свою неловкость. – А ты сам, чтобы не попасть в смешное положение, вместо умозрительных глупостей проверь почту. Не пришло ли что по нашему запросу...

Доктор традиционно занимал место перед компьютером. Для его мощного центнерового тела сюда поставили самое прочное в офисе кресло. Александра Басаргина, жена руководителя бюро, покупая мебель, выбирала это кресло специально для Доктора.

Они отправили три часа назад по электронной почте запрос в картотеку Интерпола, и хотя гриф «срочно» не ставили, ответу пора бы и прибыть. Тем не менее, когда Доктор снова заглянул в «почтовый ящик», там по-прежнему было пусто.

– Надо программу регулировать, – проворчал Доктор. – Звуковой сигнал дает только через раз...

Басаргин пожал плечами, показывая этим, что предоставляет Доктору право превратить компьютер в свою «вотчину» и заниматься им постоянно. Звуковой сигнал «почтового ящика», в самом деле, сообщал о прибытии электронной почты только тогда, когда хотел.

– Я, кажется, – сказал Тобако, – начинаю учиться мыслить категориями командира. Если нет ответа до сих пор, значит, наш запрос кого-то в руководстве сильно заинтересовал. И в настоящее время нам грозят не ответом на поставленный вопрос, а многочисленными встречными вопросами.

– Может быть и такое, – согласился Доктор.

– Пусть так, лишь бы побыстрее. – Александр ждать не любил больше всего на свете.

Телефонный звонок прервал их разговор. Басаргин наклонился через стол, заглядывая в табло определителя номера.

– Это Зураб.

Доктор, сидящий к аппарату ближе, нажал кнопку спикерфона, давая прослушать разговор всем.

– Слушаю, Зураб. – Александру, чтобы приблизиться к микрофону, пришлось чуть не лечь на стол.

– Я проверил. Летят якобы по отдельности. Друг к другу не подходят, не показывают, что знакомы. Хотя временами переглядываются. Мунтагиров явно беспокоится, нервничает. Сумку постоянно с руки на руку перебрасывает, словно сил у него маловато. Нервная реакция такая...

– Как только самолет взлетит, можешь возвращаться, – разрешил Басаргин. – Надо будет официально составить донесение и отправить.

– Хорошо. Я только домой ненадолго заеду. Зарема с Арчи⁵ должна вернуться с лечения. Оттуда сразу к вам.

– Ждем.

Доктор отключил спикерфон.

– Я бы сам с ними с удовольствием полетел, – вздохнул он.

– Их и без тебя встретят, – думая о чем-то своем, сказал Басаргин. – Лучше попробуй связаться со своим осведомителем. Нет ли чего нового?

А сам взял в руки текст запроса, ответ на который они ожидали.

* * *

Доктор Смерть вышел на новую цель поиска через своего осведомителя, связанного с ваххабитским движением в Астраханской области, где через дельту Волги традиционно шли пути поставок наркотиков по всему Поволжью и в центральную часть России из Азербайджана. Среди ваххабитов, далеко не всегда настроенных воинственно и враждебно к иноверцам, между прочей националистической и религиозной литературы, весьма обычной и привычной, стала распространяться книга Хуана Карлоса Маригеллы⁶ «Краткое пособие по организации

---

⁵ Герои романа «Портрет „черной вдовы“».

⁶ Хуан Карлос Маригелла – бразильский коммунист, член исполкома ЦК, исключен из коммунистической партии Бразилии за призывы к террористическим методам борьбы за власть в середине шестидесятых годов. Стал теоретиком городского террора. Смысл учения Маригеллы сводится к тому, чтобы путем террора заставить власть принимать жесткие карательные меры, и этим вызвать недовольство народа, тем самым провоцируя его на ответные действия. Маригелла разрабатывал свою

городской герильи»,⁷ причем на татарском языке, что явилось неожиданностью для органов, контролирующих ваххабитов. Появление такой литературы в Астраханской области, где проживает большое количество этнических чеченцев и местных татар, можно было бы отнести к деятельности чеченских идеологов, как это и посчитали в областном управлении ФСБ, но Доктора смутил язык перевода, да и осведомитель уверял, что книга пришла не из Чечни, откуда поступают другие пропагандистские материалы. Именно поэтому Доктор сначала переслал несколько экземпляров небольшой по объему книги Басаргину, а следом прибыл в Москву и сам.

Запрос был отправлен вместе с отсканированной книгой для осуществления электронного экспресс-анализа качества перевода и первоисточника. Если перевод осуществлялся с чеченского или арабского языков, естественно предположить один адрес изготовителя и пропагандиста, адрес давно всем известный. Если с любого другого языка – работы у подсектора добавляется, потому что это означало бы наличие нового и неизвестного центра подготовки террористов и пропаганды терроризма, причем сам язык уже давал возможность предположить, что терроризма обязательно и конкретно националистического.

Интерес к переводу на татарский язык этой известной «технологической» книги был вызван еще и тем, что бюро в последние дни отслеживало некую молодежную националистическую организацию «Черный ангел», прикрывающую свои идеи религиозными и культурными интересами. Организация имела группы в Татарии и в Башкирии, отличающиеся почти военной дисциплиной и проповедующие, в принципе, прекрасные правила жизни. Членам групп запрещалось пить спиртные напитки и курить, каждый обязан был заниматься спортом, преимущественно стрелковыми видами и силовыми единоборствами, от каждого требовалось моральное поведение в семье и в обществе. Приветствовался интеллект и стремление к получению образования.

По большому счету, появление таких организаций, если бы не откровенно националистические принципы формирования, можно было бы только приветствовать. Каждый народ имеет право на поднятие национальной культуры и самосознания на должную высоту. И никто не обратил бы внимания на их существование, если бы не некоторые незначительные детали в неофициальной, недекларируемой деятельности. Так, например, при разгроме банды Бараева-старшего в Чечне среди убитых оказалось сразу три члена молодежных националистических секций «Черного ангела» из Татарии и один – из Башкирии.

Интерпол с большим опозданием передал дополнительные сведения российскому бюро – все четверо проходили подготовку в спецлагере в Судане. Просил проконтролировать деятельность «Черного ангела» и попытаться наладить постоянный контроль за международными перемещениями членов секций.

Связь между выпуском известной книги и работой «Черного ангела» просматривалась пока только на основании того факта, что один из руководителей башкирской секции, Ирек Мунтагиров, являлся профессиональным переводчиком с немецкого языка на татарский и башкирский.⁸

Вылет двух групп по четыре человека в Саудовскую Аравию с интервалом в несколько часов был зафиксирован вовремя. Группы летели рейсами разных авиакомпаний по разному маршруту, но в одну точку. В аэропорту Эр-Рияда, куда уже ушли фотографии вылетающих

теорию для левацких коммунистических и троцкистских группировок, но она нашла благодатную почву для применения в националистическом движении разных стран. Книга Х.К. Маригеллы «Краткое пособие по организации городской герильи» стала настольной книгой для террористов всего мира. Например, в Северной Ирландии под нажимом террористических организаций запуганные учителя негласно «включали» это пособие в программу обучения старшеклассников.

⁷ Герилья – первоначально герилья обозначала партизанскую войну в сельской местности, никак не направленную против мирного населения. Позже этот термин расширился, стал применяться в городах, где герилья переросла в обыкновенный терроризм.

⁸ В Башкирии татарское население превышает по численности башкирское.

и краткие досье на них, «ангелов» должны были встретить и проконтролировать их передвижение другие агенты Интерпола.

* * *

На поясе у Басаргина подал звуковой сигнал пейджер. Александр посмотрел на монитор.

– Доктор. Сообщение с грифом «срочно». Принимай.

– Мы отправляли без грифа. Значит, есть новости, как Андрей и предполагал...

Крупные пальцы застучали по клавиатуре, как дубины дикарей по объемному церемониальному тамтаму. Доктор принял послание и расшифровал его.

1. На ваш запрос.

Электронный экспресс-анализ текста предположил два варианта: перевод осуществлен с английского или с немецкого оригинала. Вторым вариантом компьютеру кажется предпочтительнее по причине традиционного немецкого упрощения украшающих язык португальских оборотов первоосновной речи до примитивных понятий. В чеченском и особенно в арабском языках, как и в татарском, существуют аналоговые обороты, которые легко переводятся. Вывод компьютера можно считать базовым для осуществления профилактических поисковых мероприятий.

Печать издания осуществлялась на множительной технике, предположительно, на дупликаторе последнего поколения с разрешением 600 dpi. Прошу обратить особое внимание на этот факт. Все старые модели дупликаторов работают с разрешением в 400 dpi, ризограф работает с разрешением в 300 dpi. Модели дупликаторов с повышенным разрешением появились сравнительно недавно. Следовательно, типографии, в которой печаталась книга, не больше года от рождения. Или в старой типографии купили новую технику. Повышенное качество печати дает основание утверждать, что передача данных с компьютера на дупликатор осуществлялась посредством SCSI-интерфейса, минуя принтерную распечатку, обычную для российских мини-типографий.

2. В дополнение к предыдущему заданию:

– Прошу как можно скорее выяснить, не входил ли в молодежную националистическую организацию Башкирии «Черный ангел» гражданин России Ренат Киреев, ранее житель города Салавата, проживавший до настоящего времени во Франции по гостевой визе.

– Дополнительно прошу проверить возможность овладения членами «Черного ангела» теорией и практикой дельтапланизма.

– Прошу проверить, не выезжал ли кто-то из членов «Черного ангела» в ближайшие дни во Францию; не готовит ли кто-то документы для выезда.

Подробности будут завтра. Надеюсь прилететь утром. Прибытие уточню звонком из Парижа.

Комиссар Костромин

Доктор прочитал текст с монитора, одновременно запуская послание для распечатки в принтер.

– «Проживающий во Франции» или «проживавший во Франции» – я вижу в этих понятиях разницу. И еще вижу разницу в понятиях «до настоящего времени» и «в настоящее время»... – сразу пожелал выяснить Басаргин, больше размышляя сам, чем обращаясь к кому-то.

– Стас всегда точен в формулировках, – сказал Тобако. – Можешь не сомневаться, читай так, как он написал...

2

Джошуа бывал в Европе дважды. Но оба раза в детстве, когда родители брали его с собой на отдых. В детстве ему еще не всегда бывало скучно, потому что тогда он только начинал изучать то, что потом, как был уверен, узнал досконально, – людей. Может быть, именно поэтому он и стремился сейчас в Европу, памятуя те далекие годы и надеясь на повторение ситуации.

Личный самолет к перелетам через Атлантику приспособлен не был. Потому пришлось лететь рейсовым «Боингом». Естественное первоначальное место посещения, как для всякого американца, исключая этнических итальянцев, – Париж.

В глубоком сиденье салона первого класса, почти утонув в нем, рядом с Джошуа устроилась пожилая подвыпившая дама, сразу после того как самолет набрал высоту, потребовавшая себе одну за другой три порции коньяка.

– Мне, молодой человек, стыдно будет появиться в Париже трезвой. Я провела там свои лучшие молодые годы. Трезвой меня город не узнает... – так она ответила на любопытный взгляд Гольдрайха, – и я его, скорее всего, тоже...

Она добавила последнюю фразу уже тихо, отвечая своим мыслям, но тут же, эти мысли перебивая, засмеялась, то ли прикаркивая, то ли прикашливая. Чрезвычайно сухощавый и хрящеватый нос пожилой дамы при этом активно шевелился.

Джошуа не ответил.

После третьей порции коньяка дама, вопреки опасениям соседа, не завела разговор о своих лучших годах, а благополучно уснула, уронив под ноги маленькую и изящную сумочку с вышивкой мелким жемчугом по тисненой коже. Воспитанный в культурной семье Джошуа не поленился наклониться с благодарностью за то, что его оставили в покое, и поднять сумочку, чтобы устроить ее поближе к даме. И, как потом вспоминал, не понял, что же заставило его совершить поступок, который коренным образом переменял всю его жизнь. Его заинтересовало, что же пожилые дамы носят в сумочках, которые сами являются произведениями ювелирного искусства. И он осторожно щелкнул замком, чтобы заглянуть внутрь.

Всякий мелкий женский хлам, назначение которого он понимал с трудом, не вызвал никаких эмоций. Впрочем, сначала не вызвал эмоций и предмет более дорогой, который он не поленился вытащить двумя пальцами, чтобы с пренебрежением рассмотреть...

Вообще-то, такие вещи надлежит держать под серьезной охраной. Достаточно широкий, весь усыпанный бриллиантами браслет стоит, наверное, никак не меньше самолета, который его перевозит вместе с обладательницей и с другими пассажирами. Но цена совершенно не взволновала Джошуа. Ему, с его миллионами, приобрести такой и даже несколько таких вполне доступно. Впрочем, сам Джошуа никогда не интересовался бриллиантами и представлял себе их цену весьма смутно. От матери в наследство ему досталось немало подобных безделушек, но он даже не доставал их из домашнего отцовского сейфа, чтобы рассмотреть.

Он собрался уже было засунуть браслет в сумочку, даже шевельнул для этого пальцами, но пальцы не разжались – какая-то крамольная мысль зародилась вдруг в голове. Да, конечно, это забавно... Если такой браслет пропадет, искать его будут долго и тщательно. Естественно, пожилая дама, протрезвев и обнаружив пропажу, вспомнит, что рядом с ней в самолете сидел молодой человек, а она в это время спала. И шума поднимут много. Начнут искать в первую очередь этого молодого человека. Тут же вспомнилось, какое удовольствие доставляла ему игра с нанятыми отцом частными детективами, что пытались выловить его в игорных домах Лас-Вегаса. Та игра очень хорошо спасала его от скуки!

И пальцы левой руки сами собой защелкнули замок сумочки, а пальцы правой руки скользнули вбок и опустили драгоценную безделицу в карман пиджака. И тут же сумочка оказалась уже на полу, там, куда она упала с колен пожилой дамы. В сумочке что-то стеклянно

брякнуло. Дама проснулась, посмотрела под ноги и подняла сумочку. Глаза ее тут же благополучно закрылись.

Говоря честно, даже это слегка скучно. Гораздо веселее было бы, обнаружь дама пропажу сейчас. Джошуа тогда просто засунул бы браслет под подушку кресла. Но она не обнаружила. Пусть... Пусть обнаружит позже. И обратится в полицию. В первую очередь начнут искать незнакомца из самолета. Найти всегда можно. А он на этот случай специально покуролесит. Будет менять гостиницы, снимет, в конце концов, квартиру на короткий срок, где спрячется. Его будут искать...

От таких мыслей кровь слегка прилила к голове, запульсировала в висках короткими точечными уколами. Сам Джошуа называл такое состояние – молоточки в висках стучат. Именно в это время он не скучал, как обычно. Конечно, менять отели, квартиры и даже образ жизни, прятаться от полиции – гораздо веселее, чем бесконечно выигрывать в покер и даже в рулетку.

Джошуа закрыл глаза и чувствовал себя почти удовлетворенным жизнью. Он опять вспоминал, как прятался от частных детективов, вспоминал изобретательные ходы, что выдумывал тогда, и сейчас уже выдумывал новые ходы, которые стоит предпринять в будущем, и был почти счастлив или, по крайней мере, весьма рад сложившейся ситуации. Он, казалось, уже трепетал от ощущения опасности, от предстоящих переживаний – такая игра была ему по душе.

О том, что поймать его все-таки могут, а в этом случае и привлечь к суду, не думалось вообще...

* * *

– Mesdames et messieurs! Nous sommes contents de vous saluer par terre de la France!⁹ – Голос стюардессы мягкий и приятный, хотя слова звучат механически заученными. Он вернул Джошуа к событиям дня от легкой полетной полудремоты, в которую он впал над серединой Атлантики.

К сожалению, пожилая дама не хватилась пропажи даже тогда, когда к самолету подали выдвижную трубу переходного туннеля и началась высадка пассажиров. А так хотелось, чтобы обострение ситуации произошло немедленно. И все же, добираясь до таможенника, Джошуа испытывал почти блаженство от легкого волнения, поселившегося в его теле. Это пришла уже настоящая жизнь. Более того, он подумал, что так вот, когда события разворачиваются предельно медленно, может быть, даже интереснее. Здесь, как при игре в покер, следует проявлять терпение и артистические способности, выверять свои шаги и предвидеть шаги соперника, блефовать и распознавать чужой блеф.

Багаж привезли на удивление быстро. Французы в этом отношении гораздо расторопнее американцев. Сказывалось, что Франция – страна больше туристическая, чем деловая, и обслуживание здесь поставлено на высокий уровень. Особенно это касается пассажиров первого класса. Короткая очередь к столу таможенника. Пожилая дама пристроилась на три человека позади Джошуа. Таможенник посмотрел полусонными глазами на вещи, поднял для приличия небольшую стопку белья и поставил в документах свои штампы. Заглядывать в карман пиджака почему-то не захотел.

Джошуа отошел в сторону, поправляя галстук перед стеклом, позволяющим наблюдать происходящее за его спиной. Таможенник даже не заглянул в дамскую сумочку. Очевидно, браслет был указан в декларации. Но с пожилой дамой, показалось, он разговаривал дольше, чем с другими, и изображал при этом слащавую улыбку. Может быть, она человек известный

---

⁹ «Mesdames et messieurs! Nous sommes contents de vous saluer par terre de la France!» – «Дамы и господа! Мы рады приветствовать вас на земле Франции!»

и ее узнали? Тем интереснее. Для известного человека полиция будет работать усерднее и быстрее.

Чемоданы Джошуа переселились на тележку носильщика.

– Найдите мне такси. Пусть ждет у выхода, – распорядился он на плохом французском, заметив, что пожилая дама сделала то же самое со своим багажом и отправилась в сторону бара.

Она взяла сразу две рюмки коньяка. Джошуа предпочел водку. И на прощание приветливо кивнул даме. Она в ответ не кивнула, а качнула длинными белесыми ресницами и своим заметным носом. На этом и расстались.

– Пока – расстались, – сказал он себе. – Она очень пожелает со мной встретиться...

Таксист имел другое желание – показать американцу Париж.

– Не надо, – отказался Джошуа так, словно каждую неделю летал сюда и город успел ему прилично надоесть. – Сразу в отель...

Он говорил короткими фразами, потому что давно не имел практики разговора на французском. Но знал, что через день уже практика восстановится, и только сами французы будут узнавать в нем иностранца. Для иностранцев же он будет выглядеть как настоящий француз.

В отеле, приняв душ и переодевшись, он долго не засиделся, сразу отправившись к Джо Хиггану, приятелю по университету, которого предупредил по телефону перед вылетом. Приятель работал в Париже корреспондентом сразу нескольких газет и мечтал написать здесь книгу, взяв себе примером для подражания Хемингуэя. Единственно, чего Джо не хватало, это войны и поездки на сафари в Африку. В остальном он считал себя ничуть не хуже писателя. И даже более того, потому что Хемингуэй ничем не блистал до писательства, а Хигган считался звездой психологического факультета. К психологии у него был талант, которого не было у самого Джошуа, предпочитающего изучать только практические методы управления людьми, а отнюдь не процессы, происходящие в сознании человека. Но, очевидно, свои таланты мало и не всегда впечатляют отдельные ищущие натуры. Им хочется обладать талантами и чужими. Именно потому, должно быть, Джо захотелось стать автором многих романов, которые покорят читающую публику, нежели пойти по пути Фрейда.

Встреча прошла просто. Рукопожатие, короткий разговор, никаких воспоминаний. Сразу отправились в недалекое кафе, где за обедом обильно угостились хорошим французским вином, до которого Джо был большой охотник. А потом вместе пошли снимать небольшую квартиру для Джошуа. По его особой просьбе, не слишком понятной для Хиггана. Если в отеле номер состоял из четырех обширных комнат, то квартирка могла похвастаться только двумя и отдельной кухней, что для американца было непривычно, но, в общем-то, удобно. Тем более что дверь в кухню все равно не удалось закрыть при всем старании и фермерском происхождении Джо Хиггана, как не удалось и закрыть кран, который безостановочно журчал, пуская в звенящую раковину тоненькую струйку воды.

– Оставь это, – со смешком махнул рукой Гольдрайх. – Так мне даже больше нравится. Это почти настоящая экзотика. Как в кварталах для бедноты...

– Если собираешься застрять здесь надолго, я бы посоветовал тебе просто купить нормальную квартиру в новом доме. В новых домах всегда удобнее... Или тебе хочется романтики?

– Меня тянет на простоту быта, – улынулся Гольдрайх. – Кроме того, у меня есть весьма приличный номер в отеле. Но там все слишком чопорно, а это мне надоело. Сегодня вечером мы с тобой обследуем парижские казино, а завтра я поеду в Монте-Карло. Не составишь мне компанию?

– Я бы рад, – кисло отказался Хигган, – но, во-первых, завтра я уезжаю в Альпы, а, во-вторых, мне финансы не позволяют стать завсегдатаем игорных домов. Поэтому остаются только Альпы.

– Там тоже есть казино? – спросил Джошуа так, словно в места, где не ведется крупная игра, вообще никому не стоит ездить.

Джо понял эту простоту по-своему и усмехнулся.

– Нет. Там в это время года летают. Один наш парень из Фриско¹⁰ собирается спуститься с Монблана на дельтаплане.

Джошуа думал не больше трех секунд.

– Я тоже хочу...

– Поехали, – согласился Хигган. – В принципе, смотреть там не на что. Ну, летит и летит... Мне просто заказали материал об этом парне. Надо будет написать и сделать пару фотографий.

– А дельтаплан мне где взять? – поинтересовался Джошуа. – Или их продают прямо на месте?

– Ты что, тоже собираешься полетать? – Хигган откровенно удивился.

– Конечно. Зевакой я быть не люблю.

– Нет, дорогой. Тебя никто не подпустит к дельтаплану без специальной подготовки. Там этим делом целая школа занимается – станция дельтапланеризма. Учат, начиная с малых высот. И только потом уже допускают полетать в свое удовольствие. Таким, как ты, для такой учебы терпения не хватит.

– Посмотрим, – сказал Джошуа. – Поехали! На чем едем?

– Я думал взять машину напрокат. С утра намеревался и отправиться. Но ты, может быть, пожелаешь лететь самолетом? Или поездом?

– Лучше поездом. Самолет меня сегодня утомил.

– Хорошо. Я возьму билеты заранее.

– Заезжай за мной сюда.

– Ты не будешь ночевать в отеле?

– Нет. Говорю же, сюда заезжай... А в казино не пойдешь?

– Я не игрок. Не игрок в принципе!

– А я игрок. И именно – игрок в принципе! Значит, утром увидимся. Если будет необходимость, звони...

* * *

Джо ушел. Джошуа посмотрел в окно, провожая товарища до ближайшего угла, потом закрыл квартиру на ключ, выданный ему консьержкой, и отправился на поиски нужного ему банка. При этом убедился, что французский язык с университетских времен успел подзабыться основательно, но все же остатки знаний позволяли общаться с прохожими на бытовом уровне. И уже через час неторопливых поисков Гольдрайх вошел в кабинет управляющего банком, который, после представления, встал, приветствуя такого клиента. Они быстро решили вопрос с конвертацией долларов во франки, поскольку кредитные банковские карточки, особенно за пределами больших городов, не имеют в Старом Свете такого распространения, как в Америке. Одновременно управляющий посоветовал не переводить сразу слишком большие средства, потому что вот-вот начнется переход на общеевропейскую валюту евро. Каждая банковская операция, естественно, выделяет определенный процент себе за проведение расчетов, и лишняя операция клиенту с большим оборотом может обойтись недешево. Гольдрайх согласился и только после этого попросил выделить ему ячейку в банковском сейфе. Вызванный клерк в две минуты оформил все документы, взял образец подписи, запечатал конверт с паро-

---

¹⁰ Фриско – обиходное название Сан-Франциско.

лем и после этого проводил клиента в подвал, открыл ему внешнюю дверцу сейфа и оставил одного в закрытой комнате. Джошуа убрал в сейф браслет.

Говоря честно, избавление от улики ему не слишком понравилось. Браслет в кармане заставлял сердце радостно подрагивать, когда на улице попадался полицейский. Впрочем, полицейским пока было так мало дела до Джошуа, что их невнимание казалось просто обидным.

После банка Джошуа вернулся в отель, дополнительно заплатил за два месяца вперед и сообщил, что собирается сегодня уехать в Альпы.

– Если будет почта, оставляйте ее у себя, – попросил он портье. – Приеду – разберусь...

– Да, кстати, не почта, но...

Портье протянул американцу картонный прямоугольник визитной карточки.

– Вас просили обязательно позвонить... И срочно...

Джошуа посмотрел.

Что-то в груди радостно подпрыгнуло, затрепетало, и стоило большого труда сдерживать довольную улыбку.

«Комиссар уголовной полиции Журден» – значилось в визитной карточке.

Процесс начался медленно, но пошел в верном направлении...

3

Такие машины не часто заглядывали в Верхнетобольск, если заглядывали когда-нибудь вообще. И потому они вызвали законное опасение у горожан, считающих себя сельскими жителями больше, чем городскими, по причине захолустности своего города и забытости всем остальным миром, в который можно было только выезжать, но который, как правило, к ним сам не приезжал. Три больших черных новеньких джипа. И даже сквозь осевшую на машины пыль дорог пробивается блестящая лакировка и никелированные детали тяжелых корпусов, подчеркивающих мощностность двигателей. А опасения горожан были вызваны причинами абсолютно прозаическими. Те же постоянные детективные истории, приходящие в местные умы через многочисленные ежедневные телевизионные фильмы, говорили однозначно, что на таких машинах ездят только бандиты. Но когда машины остановились у двухэтажного, из силикатного кирпича сложенного стандартного дома, опоясанного недавно подведенными газификаторами трубами, и из передней вышел большой, слегка толстоватый человек с короткой прической, возрастом лет сорока или около того, люди присмотрелись и узнали Алексея Столбова.

Зашептались.

Но как вести себя с известным земляком, не знали, потому что слухи о Лехе ходили разные. Большею частью не слишком хорошие. Леха Столбов уехал в Екатеринбург учиться в институте, потом поговаривали, что посадили его, потом, говорили, крутым бандитом он стал. И никто точно не знал, что правда, а что кривыми путями по людским ушам с долгим эхом загуляло. Сам Владилен Юрьевич не слишком распространялся о сыне, а на прямые вопросы только плечами пожимал. Он и сам, скорее всего, знал не слишком много. Когда жива была мать Лехи, женщина простодушная и общительная, еще можно было что-то выяснить, выпросить. После ее смерти Владилен Юрьевич, и без того молчаливый, совсем в себе замкнулся и с соседями общался мало. Все что-то, поговаривали, читал и писал...

Любопытный народ, обделенный развлечениями, стал собираться быстро. Но тут из других машин вышли парни помоложе, с физиономиями не слишком умными, но откровенно решительными. И верхнетобольцы дружно порешили за благо стоять пока в стороне и просто поглядывать на гостей издали.

Алексей потер уставшую с дороги спину, бросил взгляд на дом, но на второй этаж, в захудалую отцовскую квартирку, подниматься не поспешил, зная, что никого там не застанет.

В родном городке Алексей не был уже много лет и сейчас осматривался и к народу местному приглядывался, соображая, к кому лучше подойти с вопросом. Но прежде чем подойти, кивнул одному из приехавших с ним парней:

– Санек! Восемнадцать верст дальше по дороге. Райцентр. Прокуратура. Следователь Юргин. Узнай, что у них есть. Потом сюда двигай. Порешаем, как дальше... Новости будут, я брякну.

– Сделаю, Алексей Владиленыч... – Санек кивнул тройным подбородком и, пристроив на колени живот, сел в джип, подъехавший последним, на место рядом с водителем. Трое парней помоложе поспешили за ним, устроившись на заднем сиденье. Машина солидно качнулась, переезжая плохо засыпанную газификаторами канаву, но дальше резко и без видимых усилий набрала скорость.

Оттого, что машин осталось только две, верхнетобольцы почувствовали себя полегче, хотя и три машины вроде бы ничем им не грозили.

Алексей, осмотревшись, сунул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой и вразвалочку направился к ближайшей группе. Лица показались знакомыми, хотя и изрядно покореженными временем, которое он провел вдали от родного дома.

– Здоровы бывайте, земляки, – сказал мрачноватым баском.

Больше минуты на него смотрели молча.

– Не признаете, что ль?

– Да никак это Леха Столбов, – вроде бы только что узнал его Ерофеев, рабочий с пилорамы, и тут же смущенно кашлянул.

Алексей пытался вспомнить, как зовут Ерофеева, но вспомнить никак не мог. Словно и не было у человека имени. А память угодливо подставляла только фамилию, произносимую на разный лад разными голосами. Так, по фамилии, кажется, и звали пилорамщика всю жизнь.

– Молодец, Ерофеев, не полностью, значит, память пропил...

Ерофеев довольно хохотнул беззубым ртом, словно его поздравили с присвоением звания народного артиста. Выпить он любил всегда и пить мог все, что имеет хоть какую-то крепкость, от одеколona до самой сивушной браги, запахом схожей с силосом. И этой своей способностью гордился.

– Ну, земляки, рассказывайте, рассказывайте, как на духу, что вы тут с моим отцом сотворили? – Столбов-младший нахмурился и спросил уже сурово.

– Да разве ж это мы? – Ерофеев даже улыбаться перестал, и щетинистые щеки его виногато и испуганно провалились. – Ты уж скажешь, Леха, тоже...

– Как дело-то было?

Горожане переглянулись и начали рассказывать. Сначала неуверенно, а потом заговорили сразу все, друг друга перебивая, громче. Леха только успевал глазами с одного на другого перебежать, но даже переспросить, уточнить что-то возможности ему не давали.

Мимо них по дороге проехал маленький «Форд-Эскорт», сбросив скорость, чтобы рассмотреть джипы и людей, на них приехавших.

– Это кто тут еще на лимузинах раскатывает? – спросил Леха, останавливая сбивчивые рассказы, потому что смысл он уже понял, почувствовал боль в голове, словно его самого резиновой дубинкой огрели по затылку, но не желая этого показывать.

– Самвел...

– Какой Самвел? Откуда тут таким взяться?

– Самвел Гараян. Хозяин универсама. «Самый великий», говорит, имя его означает...

– Хозяин?.. Много сейчас хозяев на нашу голову понаехало. Где он живет?

– На выезде, к реке ближе. Красный кирпичный дом в два этажа. У него там еще два двоюродных брата охранниками работают. Наглые, как танки... Наших во двор не пускают...

– Заяц!

От машин, бросив недокуренную сигарету, подошел широколицый и коротко стриженный парень с маленькими глазками. Внешне его, пожалуй, легче спутать с медведем, чем с зайцем.

– Возьми ребят, сгоняй к этому самому великому Самвелу. Может, он что-то слышал. И разберись с местной иерархией. Кому он платит, кто в округе что весит... Здесь больше, я думаю, спросить не у кого... Начнет кочевряжиться, поставь его раком и – дай для начала пинка... Чтобы сильно не возвеличивался... И братьям добавь... Чтоб хозяев уважали...

Кого Алексей величал «хозяевами», горожане не поняли. Но по наивности подумали о себе. И прониклись к Алексею Столбову симпатией, потому что Самвела в городке не любили, как во всяком бедном захолустном городке не любят людей богатых и прижимистых, не пьющих в обществе.

Заяц подслеповато мигнул и молча направился к машине. Двигатель заработал почти неслышно, хотя, может быть, стук тракторного двигателя, что проезжал вдалеке, выбрасывая в атмосферу кудрявые струйки выхлопных газов, помешал услышать джип. Машина уехала. Теперь с Лехой осталось только четверо, и верхнетобольцы обступили земляка более плотным кольцом.

– Слышь, Лех, – совсем осмелев, поинтересовался Ерофеев. – А тут поговаривали, что отца твоего, значит, украли, чтобы с тебя выкуп стяжи...

– Я сам с кого хошь стясу, – отчего-то зло вдруг сказал Леха, повернулся и шагнул в сторону отцовского дома так решительно, что два местных мужичка даже отпрыгнули, освобождая ему дорогу, иначе он просто уронил бы их своим откормленным телом.

В подъезд за Столбовым-младшим пошел от машины только один человек равного с Лехой возраста или даже лет на пять постарше. С виду – умный.

– Это заместитель его, – словно все про земляка знает, сообщил Ерофеев.

На него посмотрели с уважением. В российской глубинке всегда уважали людей знающих.

* * *

Ерофеев ошибся. Заместителей Алексей Владиленович Столбов с собой не возил, они занимались соответствующими делами на предприятиях и назывались официально исполнительными директорами. Сам он на этих же предприятиях числился генеральным директором. А следом за ним в подъезд, оглядываясь по сторонам, поднялся простой начальник охраны, отставной майор ФСБ Виктор Петрович Тихонов, грамотный юрист и опытный оперативник, уставший получать копейки на службе и умеющий закрывать глаза на то, на что ему следует их закрывать. Впрочем, сама предыдущая служба приучила его часто делать то же самое в официальной обстановке.

Деревянная лестница, мягко скрипя на разные лады прогнившими и стертymi по центру ступенями, привела их на площадку второго этажа. Остановились перед опечатанной дверью. Стали рассматривать. Замок грубо взломан, должно быть, стамеской. Отремонтировать дверь после осмотра квартиры следственной группой никто не расстарался. Слово и не надеялись на возвращение старика Столбова в родной дом. Посчитали, что ментовская печать любой замок собой заменит.

– Засранцы! – только и сказал на это Алексей Владиленович, используя достаточно мягкое для своего лексикона слово, но прочно относящееся к его любимым. В родительском доме никогда не матерились, и ему было как-то неловко выражаться здесь так, как он привык это делать в последние годы у себя дома и на работе. Толкнул дверь рукой, и бумажка с печатью посередине неровно разорвалась с тихим треском. – Здесь я, Виктор Петрович, и вырос...

Это уже было сказано совсем иным тоном. Алексей Владиленич уже забыл про меновскую печать и вздохнул то ли с ностальгической грустью, то ли с сожалением. И только после этого почти робко шагнул за невысокий, тоже посредине стертый порог.

Квартира была двухкомнатная, с низкими потолками и подтекающими зимой батареями отопления. Шиферная кровля дома тоже была, похоже, местами пробита и, как сообщали разводы на потолке, особенно в углу, временами не без оснований напоминала душ. Ремонтировать такие кровли кусками бесполезно, а старому человеку это и вовсе не под силу, потому что для восстановления одного кусочка придется перебирать и заново перебивать оба ската. Проще подставить на пол тазик...

– Столько лет прошло, – вздохнул Столбов, – а все осталось как прежде... Только раньше газа у нас не было. На электроплитке мать готовила. А сначала, помню, керогаз стоял. Знаешь, что это такое?

– Знаю. Сам вырос в коммунальной квартире. На восемь семей... У каждого на общей кухне свой керогаз, друг у друга керосин поворачивали... А мы, пацаны, любили в чужие кастрюли заглядывать. Чтобы ухватить хоть пару картофелин...

Они говорили на одну тему, но Столбов-младший, похоже, не слышал слов Тихонова. Такое было у него отрешенное лицо.

– У меня сейчас ощущение, что я в прежние годы вернулся.

– Дважды в одну реку, говорят умные люди, вступить невозможно, Алексей Владиленич, – тихо возразил Тихонов. – Это вам кажется, что все осталось как прежде. На самом деле здесь все совершенно иначе. Нет здесь, к примеру, ваших родителей. Мама у вас умерла?

– Умерла... Я тогда за границей был, не смогли вовремя сообщить... Так и не приехал на похороны. Но ее в городе хоронили. У сестры. Сначала мама в больнице лежала. Операцию сделали и выписали домой – умирать... Метастазы разошлись. Лечить было бесполезно. А потом, через год, и сестра умерла. Сестру я уже сам хоронил... Она незамужней была и бездетной...

Тихонов продолжил нравоучительным тоном:

– Теперь вот что-то случилось с вашим отцом. А вы говорите – все как прежде... Никогда не бывает – «как прежде». Прежде у нас и людей среди бела дня не воровали. А теперь воруют. А ради чего воруют? Кто ворует? «Щипачи», «домушники» и «бакланы»¹¹ такими делами не занимаются. Это вообще не в практике уголовного мира, как я понимаю. Похищения, как говорит практика мирового преступного опыта, чаще всего бывают политическими или же с целью выкупа. В Италии, например, в почете первые случаи, в России – вторые. В каждой стране свои приоритеты. Но любой из случаев может произойти где угодно. В большую политику ваш папа, как я понимаю, не лез. И мэром Верхнетобольска стать тоже, думаю, не собирался. И даже о депутатстве не мечтал, иначе вы бы мне рассказали. Значит, политическая подоплека, скорее всего, отпадает...

– Только «скорее всего» или полностью отпадает? – Столбов любил конкретность в предметном разговоре. – На мой взгляд, ее следует отместить полностью.

– Именно скорее всего, потому что в политических делах похищают не только политиков, но и нежелательных свидетелей каких-либо событий. А мы не располагаем данными по существу подобного предположения, поэтому имеем возможность только отодвинуть его в сторону, не отказавшись от него совсем. Что касается второго вида похищений, то предъявить какие-то требования могут только вам как единственному сыну и человеку не самому бедному, но вам такие требования никто не предъявил.

– Очень бы мне хотелось такие требования услышать! – пригрозил кому-то Столбов с недоброй усмешкой.

---

¹¹ «Щипач» – вор-карманник, «домушник» – квартирный вор, «баклан» – хулиган.

– Я думаю, уже и не предьявят... – Тихонов прошелся по комнате, заглянул под подушку на диване, достал оттуда очки со сломанной в изгибе дужкой, словно знал заранее, что они там лежат, и положил их на стол, перелистал аккуратную стопку газет. Заинтересовался и пересмотрел всю стопку заново. – Как правило, требование о выкупе предьявляется сразу. И сразу предупреждают, чтобы не связывались с органами. Иначе потом будет поздно. Я попрошу вас узнать на почте, какие газеты выписывал ваш отец. Пошлите кого-нибудь, пусть проверят.

– При чем здесь газеты?

– Странный подбор газет... Ваш отец очень интересовался политикой?

– В молодости вынужден был. Он бывший военный, политработник. Потом вышел в отставку по инвалидности и преподавал в школе историю. Там тоже приходилось... История в те годы не могла быть без политики. Сам знаешь, как у нас история во все века писалась – как правители прикажут, такая и история получается... Потом – не знаю. По нынешним временам политика и политики всей стране поперек горла стоят. Нужно быть идиотом, чтобы политикам верить! Думаю, что отец это тоже понимал, потому что идиотом никогда не был. Мы мало общались, только презванивались временами. Письма я не люблю... Да приезжал он ко мне раз в два года.

Тихонов кивал и продолжал, между тем, аккуратный осмотр комнаты. Если что-то брал в руки, то ставил точно на прежнее место, хотя и не был уверен, что следственная бригада прокуратуры была так же аккуратна, как он, и что в квартире сейчас все сохранилось так же, как при хозяине.

– С чем связана инвалидность?

– Какое-то отравление во время аварии. Операцию на легких ему сделали... Точно я не знаю. Отец не любил разговоры об этом.

– Обратитесь в военкомат. И в гарнизонную поликлинику. Обязательно узнайте. Это может оказаться важным.

– Зачем? – опять не понял Столбов.

Виктор Петрович вздохнул. Он не любил объяснять очевидное.

– Вы просили меня провести следствие. Я его и провожу. Иногда бывает необходимо собрать так много фактов, чтобы выудить из них один-единственный, что целая толпа оперов носитя сломя голову по городу. А потом оказывается, что девяносто девять процентов собранной информации не имеет к делу никакого отношения. Но один-единственный процент решает его исход. Пошлите, пошлите кого-нибудь в военкомат...

Алексей Владиленович пожал плечами, еще раз «обежал» комнату взглядом и вышел. Специалистам он привык доверять, потому что сам никогда не был таковым ни в одной области. Виктор Петрович работает с ним уже год и показал себя хорошим специалистом. Может быть, с его богатым опытом удастся найти то, что не могут отыскать местные следаки, привыкшие разыскивать по следам убежавшую козу и по запаху украденные пьяным соседом портянки. Большой размах дела им просто не осилить.

А Тихонов продолжил осмотр комнаты. Особое внимание он уделил книжной полке. По опыту хорошо знал, что если в квартире есть книжная полка, она может сказать о человеке, о его характере и интересах гораздо больше, чем показания свидетелей. Здесь подбор был, несомненно, целевым. Хотя большую часть и составляли книги по истории, методические пособия и небогатая библиотека художественной литературы, но отдельно от других стояли две стопки. Первая – по истории края и области. Причем многие книги с большим количеством закладок, что показывало постоянную работу с ними. Вторая – по экологии, и среди них целых шесть книг по бактериологическому оружию. Что-то вздрогнуло в душе при виде этого подбора. Виктор Петрович взял в руки толстую верхнюю книгу и перелистал.

Под ноги упал спрятанный среди страниц листок, исписанный мелким почерком...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Встречать комиссара Интерпола Костромина в аэропорт «Шереметьево-2» ездил Андрей Тобако. Как-никак, а комиссар в переводе на общевоинские звания – это генерал, а генералов принято возить с комфортом и на высокой скорости. Совместить одно с другим мог только Тобако на своем «БМВ», собранном в Германии по спецзаказу Интерпола.

Александра, по случаю приезда начальства мужа, в этот день не пошла в мастерскую, хотя все последние дни засиживалась там допоздна, готовясь к выставке. Однако в этот раз она занялась не самыми своими любимыми кулинарными вопросами. Благо, из квартиры Басаргиных до неофициального офиса российского бюро Интерпола – расстояние в пять шагов по коридору и переход от рабочего стола к столу обеденному не занимает много времени.

Квартиры, одна для проживания семьи руководителя бюро и вторая для офиса, который не должен входить в список официальных адресов силовых структур по причинам секретности деятельности, покупались еще в присутствии комиссара, и он уже имел о них представление. Но видел их до ремонта, одни ободранные стены. Сразу по приезде Станислав Сергеевич в сопровождении хозяйки осмотрел каждую комнату.

– Одобряю вкус, – пожал он локоть Александре. – Вообще, всегда верю художникам. И слегка завидую... Вам, кстати, большой привет от моей половины. Мой портрет она вставила в рамку и повесила в нашей лионской квартире на самом видном месте.

И тут же повернулся к Басаргину:

– Я рассчитываю улететь завтра двухчасовым рейсом. Если здесь не появится никакого реального «хвоста». Если появится, будем здесь копать. Нет – рысью по облакам обратно. Искать такие же «хвосты» там. Потому сейчас и поторопимся. Время в нашем случае драгоценно.

– Сначала за стол! – категорично заявила хозяйка.

– Я и говорю: время терять не будем, – комиссар умел ловко подстраиваться под обстановку. – Где Доктор?

– Еще ночью вылетел в Уфу. Это его родной регион. Башкирия – уже Урал, значит, Доктору и наводить справки по твоему запросу.

– Добро, – согласился Костромин. – А новый ваш сотрудник?

– Зураб на задании. Он редко в офисе сидит. Считает, что волка должны ноги кормить.

– Хорошее качество. Каким вопросом он сейчас подкармливается?

– Ищет возможность стать на время «черным ангелом», поскольку наш уважаемый Тобако решил, что существование региональных националистических групп в Татарии и Башкирии обязательно должно иметь столичные корни. Я, кстати, с этим не согласен и даже с большим основанием предположил бы корни заграничные. Связанные, предположим, с панмусульманским проектом Бен Ладена или с чем-то еще. Но Тобако слишком красноречив. Он сумел заразить своей уверенностью Зураба.

– Кстати, какое отношение имеет дельтаплан к твоему приезду? – спросил Тобако, войдя в квартиру. – Значит, у вас тут дельтапланеристы прослеживаются тоже?

– Мы уже давно знали, что ангелы умеют летать. Тоже иногда в Библию заглядываем. Но не придавали этому концептуального значения. Хотя, видимо, напрасно. Наверное, следовало посмотреть и на цвет ангельских крыльев... Доктор ищет дельтапланеристов в Башкирии. Они еще нужны тебе?

– Обязательно. Очень нужны. И непременно из Башкирии.

Костромин, по праву старшинства, уселся на главенствующее место и собирался, видимо, объяснить, но Александра перебила его:

– Как любой хозяйке дома, мне не нравится, когда мои кулинарные способности оцениваются между деловыми разговорами. То есть попросту не замечаются. Поэтому я предлагаю вам сконцентрировать внимание на том, что стоит на столе. Остальное успеете обсудить, когда удалитесь за стену...

Александр вздохнул, уважая в жене хозяйку дома, Тобако добродушно усмехнулся, Костромин уважительно согласился, проявляя французскую галантность:

– Да-да...

* * *

– Итак, какой информацией мы обладаем для поиска? – Басаргин в отсутствие Доктора предпочел посадить за компьютер Тобако, имеющего больше навыков в общении со сложными программами, написанными эксклюзивно для Интерпола, и предоставил ему возможность заполнять базу данных. А сам привычно разгуливал по комнате. В движении ему всегда лучше думалось. Комиссар занял обычное место Тобако в мягком кресле. Александра тоже пожелала принять участие в разговоре, потому что уже прочно вошла в дела бюро и помогала всегда, когда это требовалось. Свободный график работы художницы способствовал этому.

– Мы имеем вроде бы незначительное, хотя и весьма странное на первый взгляд, происшествие во французском городе Кольмаре, – сказал Костромин. – Это небольшой и славный город, туристический и культурный центр. Кто там не был, рекомендую побывать. В Кольмаре живет достаточно известный в католических кругах Франции человек, аббат Фуко, настоятель местного пригородного монастыря. Этот аббат является автором многих книг духовно-политического содержания и время от времени способен творить небольшие чудеса. Читает письма, не вскрывая конверта, визуально проводит диагностику физических заболеваний человека, причем более точно, чем это делают ученые врачи со всей своей дорогостоящей аппаратурой, и еще творит что-то подобное... Так вот, аббат Фуко выступил с инициативой проведения широкомасштабной религиозной конференции «Религии мира против терроризма» и пригласил в свой город многих видных религиозных деятелей – христиан различных конфессий, мусульман и шиитского, и суннитского толка, буддистов, индуистов, иудаистов и конфуцианцев. Кажется, получил приглашение даже далай-лама, хотя не подтвердил своего прибытия. Инициатива аббата, кстати, была одобрена не только региональным епископатом, но и самим римским папой. Конференция должна была стать интересной не присутствием на ней высших глав религиозных направлений, от которых традиционно можно услышать только не всегда обдуманнные призывы и общие декларации, а работой ученых-священников, наиболее авторитетных среди своих соотечественников. Так аббат Фуко видит основанное им движение в настоящем и в будущем. Конференция должна состояться через две недели в конференц-зале лучшего и единственного современного отеля города, остальные отели невелики и не молоды. Для проживания участников забронированы номера в том же отеле. Через неделю в Кольмар будут стянуты дополнительные полицейские силы и специальные службы по борьбе с терроризмом, поскольку планируется выступление нескольких высоких правительственных чиновников и специалистов по антитеррору, каких-то профессоров – социологов и психологов. Там же будет работать большая группа наших экспертов, а первые сотрудники уже приступили к работе. Это обусловлено тем, что, по агентурным данным, некоторые террористические организации, независимые друг от друга, проявили вдруг интерес к туристическому центру в Эльзасе, хотя раньше не планировали посещение Кольмара. Цель их понятна. Или вообще сорвать конференцию, или провести какие-то устрашающие акции.

Вообще, для Кольмара подобное мероприятие – событие чрезвычайной важности, поскольку городок не знал в своей истории ничего подобного. Он всегда был только крупным развлекательным центром, за счет этого жил неплохо, а после проведения конференции надеется жить еще лучше, потому что получит дополнительную международную рекламу. Если все пройдет нормально, в городе планируется строительство здания международного политического центра, чтобы и в дальнейшем проводить здесь такие же крупные конференции как можно чаще. Для туристических городов это выгодно.

– Красивый город. Я там был дважды, – сказал Тобако. – В первый раз на одном из городских каналов мы без шума и без громких выстрелов арестовали набитую албанским героином гондолу. Просто продырявили дно пулей из винтовки с глушителем. И с двух посторонних гондол – одна шла по курсу, вторая навстречу – стали спасать груз. Там было товара на пятнадцать миллионов долларов. Во второй раз воспоминания менее приятные. На площади Симонтань-Нуар у меня было свидание с осведомителем, после чего меня пытались пристрелить. Пришлось прятаться сначала от убийц, а потом и от полиции.

– И как выкрутился? – поинтересовался Басаргин.

– Три часа протолкался в маленьком и скучном музее Бартольди...

– Это кто такой?

– Темнота, – укорила мужа Александра. – Бартольди – французский скульптор, который создал это чудовище всех времен и народов.

– Доктора Смерть? – невинно спросил Александр.

– Нет. Американскую статую Свободы. Олицетворение американского отсутствия вкуса.

– Пусть так. И что дальше?

– Дальше на меня начали в этом музее поглядывать косо и собирались, как я понял, вызвать полицию, от которой я прятался.

– А почему ты прятался от полиции? – спросила Александра.

– Мне пришлось отстреливаться, – Тобако обошелся без подробностей. – И из музея Бартольди я подался в собор Святого Мартина.

– Там, помнится, есть какая-то знаменитая роспись, – сказала Александра, которая знала почти все художественные сокровища Европы по справочникам.

– Да. «Мария на фоне роз» Шонгауэра. Пятнадцатый век. Но я в этом соборе выглядел, боюсь, откровенным дураком, потому что при входе никак не мог вспомнить, как крестятся католики – справа налево или слева направо. И, как назло, никто не входил в собор одновременно со мной. И потому я подошел сразу к священнику, представился сотрудником Интерпола и попросил спрятать меня от преследователей. Он спрятал и позвонил по моей просьбе Стасу, – Тобако кивнул в сторону комиссара. – Пришла машина, и меня благополучно вывезли сразу в Германию, где пиво не уступает знаменитому эльзасскому вину Кольмара. Но мы отвлеклись от темы. Комиссар не закончил рассказ...

– Да, – Костромин кивнул. – Продолжим. Итак, что заинтересовало нас... Три дня назад вечером к отелю, где будет проходить конференция религиозных деятелей, но не к главному входу, а за углом, где автостоянка и двери служебного входа отеля, подогнали украденную за три часа до этого старенькую машину, легковой фургон. Для неграмотных сообщу, что в Кольмаре в центре города запрещено автомобильное движение. Центральный вход в отель относился как раз к центру, замыкает его, а служебный – уже нет. Итак, подогнали фургон... Время было уже позднее, только-только стемнело, и прохожих на боковой улочке в это время немного. И представьте себе такую историю. На крыше машины нарисовали круг. Мишень. А потом кто-то из окна или с крыши отеля, как предположила полиция, бросил в эту мишень обыкновенный кирпич, подобранный, вероятно, где-то на ближайшей стройке. Для чего? Чтобы крышу проломить? Проломили. Но с какой целью это было сделано? Заострю внимание еще на одном моменте. На пробитую крышу машины, возможно, никто сразу и не обратил бы внимания –

хулиганство и хулиганство, просто прохожие, если бы кто и увидел такое, постарались бы реже ходить в этом месте, чтобы кирпич в следующий раз не упал им на голову. Так бы все и прошло без последствий, не окажись поблизости двух жандармов, ставших свидетелями происшествия. Они начали разбираться первыми и вызвали полицейскую бригаду.

Комиссар по очереди оглядел всех слушателей. Они молча ждали продолжения.

– Сначала это приняли за хулиганство. Местная полиция до сих пор предпочитает так считать. Им это простительно, но абсолютно не простительно нам. Просто, дескать, бросили из окна кирпич. Но, во-первых, откуда взялся кирпич в номере отеля? Если бы еще просто пустая бутылка, это бы куда еще ни шло... Гораздо проще и веселее воспользоваться только что опорожненной бутылкой, но никак не кирпичом, который следует еще подобрать и не полениться принести. Ради хулиганства не совершают таких действий. К тому же хулиганство редко бывает спланированным. Чаще это спонтанный акт. Во-вторых, хозяин машины – местный булочник с габаритами Доктора Смерть, хотя значительная часть этих габаритов сместилась в сторону живота, – уверял, что за три часа до происшествия, когда он оставил машину без присмотра, решив пропустить рюмочку в кафе, круга на крыше фургона не было. Значит, его специально нарисовали. Круг – мишень. Происходила пристрелка! Наш сотрудник проверил все окна. Пластиковые стеклопакеты имеют форточки. Но форточки открываются только сверху под углом в пятнадцать-двадцать градусов, не больше. Если очень постараться, то можно пододвинуть к окну стол, поставить на него стул, встать на стул и просунуть кирпич в верхнюю щель. О прицельном броске не может быть и речи. Вообще не может быть речи о броске, после которого кирпич отлетает на пять метров в сторону, а не падает на тротуар под окном.

– Остается еще крыша... – сказал Басаргин. – У нас во дворе дети хулиганят, бросают в прохожих гнилыми яблоками. Их на соседнем базарчике ящиками выбрасывают, чтобы цену не снижать.

Комиссар вздохнул.

– Осмотрели и крышу. Я как раз прибыл к этому моменту и принимал участие в осмотре. Слишком высоко, чтобы произвести такой прицельный бросок. Смотришь вниз – удовольствия не испытываешь. Нужно несколько лет тренироваться, но и в этом случае из десяти девять раз промахнешься. Кирпич все-таки тяжел!

– Значит, дельтаплан в городе, – сказал Басаргин, памятуя интерес комиссара к дельтапланеристам. – Я правильно тебя понял?

– Правильно. Дельтапланерист разбился через четыре квартала от отеля. Натолкнулся в темноте крылом на рекламную растяжку. Падал с высоты около двадцати пяти метров. Врезался в землю в пике. Моментальная смерть. Документов в карманах не обнаружено. На шлеме осталось наполовину разбитое странное сооружение, которое наши эксперты определили как самодельный, но довольно остроумно устроенный прицел для бомбометания. Нечто подобное ставили на самолетах в период Первой мировой войны. На груди крепления. Дергаешь за шнур, падает, как предположила экспертиза по параметрам брезентового контейнера, тот самый кирпич. В контейнере, кстати, нашли остатки кирпичной крошки. Мы, между нами говоря, не передали это дело полностью в местную полицию во избежание утечки информации и возможной паники в туристическом городе. Сами понимаете, чем это может обернуться для туристического бизнеса Кольмара! А в полиции по-прежнему считают, что это лихач-воздухоплаватель, как часто случается с лихачами-автомобилистами, не справился с управлением аппаратом. Несчастный случай, и больше ничего. И никак не связывают происшествие с пробитой крышей машины.

– И все равно я ничего не понял, – сказал Тобако, который усердно стучал по клавиатуре компьютера и успевал занести в базу данных упрощенный рассказ комиссара. – Ладно, пусть террорист пристреливался. Я понимаю, что в нужный момент у него вместо кирпича должно

быть заложено в крепление взрывное устройство, точно соответствующее по весу и по аэродинамическим данным пробному грузу...

– Взорвать какую-то определенную машину... Пусть даже и машину значимого человека... – в тон Андрею сказал Басаргин. – А зачем такая сложность, как бомбометание? Куда как проще выстрелить из другой машины. Открыл окно, высунул оттуда ствол гранатомета, и дело сделано. Никаких проблем... К тому же после взрыва возможен удар взрывной волны в крылья дельтаплана. Такую волну просчитать невозможно без нескольких опытных взрывов в одном и том же месте. Если не иметь в виду конкретную машину, то вообще не надо никаких усложнений. Оставить в урне пластиковый пакет...

Костромин согласно закивал:

– Мы тоже задали себе аналогичные вопросы. Урны там, кстати, стоят через каждые тридцать шагов, и не надо утруждать себя поиском. Во время конференции за ними, естественно, будут пристально наблюдать. Но цель кирпичеметания и нам непонятна. Именно по этой причине я и здесь.

– Не только вы ничего не понимаете. Я тоже не понимаю, – сказал Тобако. – Почему вы здесь? Это следует понимать так, что, согласно вашей версии, наши доморожденные террористы производят акты во Франции? Знаменитая «La menace d'Est»?¹²

– Полиция не смогла опознать погибшего дельтапланериста. В округе вообще нет подобных любителей острых ощущений. Опознал его я. Вернее, предположил гражданскую принадлежность. По татуировке на левом плече. Эмблема воздушно-десантных войск России. Дальше мы раскрутили соответствующий отдел министерства иностранных дел Франции. Работа большая, но нашли случайную фотографию гостя из России. Ренат Киреев, житель города Салавата.

– И все равно я не понял! – Тобако даже голос повысил. – Что он опробовал? Зачем? Мне, как и командиру, очень не верится, что такая большая работа проделывалась только ради взрыва какой-то определенной машины. Если бы все участники и гости конференции хотя бы стояли при этом хороводом около фургона, как вокруг новогодней елки, было бы понятно – террорист желал сорвать с них взрывной волной головные уборы. В противном случае – нет. Не вяжутся здесь концы с концами...

– Мне тоже непонятно, – согласился Костромин. – Есть единственный вариант. На эту автостоянку выходят окна конференц-зала, где скоро будут проходить заседания религиозных деятелей. Конференц-зал находится над залом ресторана. Но кроме битья стекол, ничего добиться взрывом нельзя. Во Франции никому существо вопроса непонятно. Прежде всего, непонятно, почему террористический акт должен был выполнить гражданин России, да еще имеющий подготовку сержанта ВДВ – так нам ответили на запрос о его личности в российских МИДе, МВД и МО. Там, во Франции, ищут по разным направлениям. Ищут спешно. Но обязательно следует искать еще и здесь. Потому что и я не верю в простой взрыв единственной машины. На воробьев, как правило, не охотятся со стратегическими ракетными установками...

– Будем искать, – стоя спиной ко всем и разглядывая что-то через оконное стекло, сказал Басаргин. – К счастью, над Москвой дельтапланам тоже запрещено появляться. По крайней мере, я пока не видел здесь дельтапланеристов. И потому вместо Москвы будем обслуживать Кольмар...

2

Джошуа поднялся к себе в номер, принял душ, выпил рюмку коньяка и надолго задумался, сидя в кресле.

¹² «La menace d'Est» – «угроза с Востока» (фр.), термин времен «холодной войны».

Два противоречивых желания боролись в нем. Хотелось съездить с Джо Хигганом в Альпы и познакомиться с дельтапланом. Очень и очень хотелось. Полет на дельтаплане, как ему казалось, – это риск. Большой даже риск, чем игра в рулетку на миллионы. Миллионов у Гольдрайха много. А жизнь всего одна. И рисковать ею – это значит рисковать по-настоящему. Любой риск заставляет сердце радостно трепетать и прогоняет усталость скуки, от которой устаешь больше, чем от любой физической или умственной нагрузки. А когда опасный для жизни риск – сердце уже не трепещет. Оно замирает, и дыхание замирает... Это должно быть прекрасным, ни с чем не сравнимым ощущением...

И пусть даже, как говорит Хигган, его не пустят сразу полетать. Он начнет учиться. Джошуа всегда был способным учеником. И со спортом у него всегда получалось, и с любыми другими занятиями так, как он хотел. Хотя именно это и было для него скучным. Скучным, когда он достигал уже первого успеха. Потому, должно быть, он и не стал выдающимся человеком в каком-то деле, что первый же успех заставлял скучать и искать себе новое применение.

Но новое скучным не бывает. Особенно если новое связано с риском. С таким, как риск полета...

Однако одновременно хотелось и другой риск испытать. Неизведанный пока.

Риск тонкой игры с законом. И было это даже большим, чем простое желание доказать себе собственную исключительность. Кто играет с законом, как правило, пытается избежать встречи с ним. А Джошуа готов пойти ему навстречу. Готов рисковать вдвойне. Так интереснее...

Что может позволить себе полиция?

Предположим, позвонит Джошуа сейчас этому комиссару Журдену... Придет комиссар, вежливо извинится, сядет на краешек стула, потому что именно на стул предпочтет его посадить Гольдрайх, считая, что мягкое кресло предназначено для других гостей, более значимых. Он специально поставит этот стул именно в подходящее место комнаты. И пальцем покажет комиссару, куда сесть. Не взмахом руки, не словом, а пальцем. А сам, конечно же, сядет именно в мягкое и низкое кресло напротив. Чтобы подчеркнуть разницу в их положении. Смотреть снизу вверх может позволить себе только сильный и весомый человек. Человек, мало значащий в жизни, человек, сам себе безуспешно стремящийся доказать, что он что-то значит, обычно из кожи вон лезет, чтобы смотреть на других сверху. Комиссар спросит его, как проходил полет через океан, не углубляясь в подробности. Джошуа, позевывая, скажет, что нынешний полет ничем не отличался от всех предыдущих, потому что пересечь Атлантику на «Боинге» – совсем не то же самое, что пересечь ее на дельтаплане. Дельтапланы, к сожалению, на такие расстояния не летают. Не будет у дельтапланериста времени, чтобы выспаться во время такого полета. А в «Боинге» выспаться можно. И Джошуа просто спал, потому что больше делать было нечего. Спал и ничего не видел. И даже сны свои уже не помнит.

Это обрубают все концы.

И больше ничего комиссар сделать не сможет. И не посмеет обыск проводить. Он знает, с кем имеет дело. А если и посмеет – известно, что в полициях всего мира интеллигентные люди традиционно в дефиците! – то ничего не найдет. К банковскому сейфу человека с состоянием Гольдрайха никто полицию близко не подпустит. Ей даже не сообщат, что, помимо счета, Гольдрайх имеет еще и сейф. Тайна вклада охраняется священной...

И этим все закончится? Опять скучно.

А где же риск? Где же то волнующее трепетание в груди?

Нет. Так нельзя... Так скучно...

А можно сделать и так... Можно сделать и так, что скучно не будет!

Ищет комиссар встречи. А Гольдрайх встречи избегает. Конечно, он может избегать ее по причине весьма прозаической – миллиардеру так мало дела до мышины полицейской возни, что он не желает утруждать себя скучным разговором. Но и этого впечатления избежать

нетрудно. Надо показать, что Джошуа избегает встречи совсем по иному поводу. По какому – это уже пусть Журден думает и подозревает, потому что ему должность приказывает подозревать. Жалко, что Джошуа раньше времени сообщил портье о предполагаемой поездке в Альпы. Неожиданный отъезд показался бы более подозрительным и сорвал бы комиссара с места в карьер – в погоню. Впрочем, в любом случае поспешный отъезд подозрителен. Вор боится встречи и старательно запутывает следы!

Вор... Вор!

Это слово, при всем презрении, в него вкладываемом теми, кто никогда не воровал, вызвало в Гольдрайхе восхищение. Он – вор! Вор-миллиардер! Это звучит просто восхитительно. И даже заставляет плечи расправляться шире, вызывает гордость за свою смелость, за пристрастие к риску. Плевать на того, кто ворует, чтобы утолить чувство голода. Никогда бы Гольдрайх не стал воровать для этого и предпочел бы от голода умереть. Но воровать только и исключительно ради риска – в этом что-то есть такое, что радует душу и заставляет кровь быстрее бегать по телу...

И сейчас новое ощущение радовало его не меньше, чем предстоящая возможность полета на дельтаплане. А совмещение того и другого казалось просто верхом блаженства. То есть Джошуа уже перестал скучать только лишь от одних размышлений. И даже довольно заулыбался, что в последние годы случалось с ним крайне редко. Обычно его улыбка больше напоминала почти вежливую гримасу. А что же будет потом, когда действие начнется!

В дверь постучали.

– Войдите.

Пожилая горничная, скорее всего, арабка по происхождению, судя по слегка желтоватому цвету лица и тонкому изящному профилю, осторожно переступила порог.

– Извините, месье, мне сказали, что вы уезжаете в горы. Вам помочь приготовить багаж? – она говорила с откровенным акцентом.

– Нет, спасибо, я сам справлюсь, – ответил он недовольно. Приход горничной грубо разрушил хрупкое состояние иллюзорной радости, скомкал его мечты.

– Извините. – Она с достоинством поклонилась и хотела выйти.

– Вы в молодости, наверное, были красивы? – спросил Джошуа, разглядывая женщину и сравнивая ее со своей матерью, которая сейчас была бы, наверное, в этом же возрасте.

– Мой покойный муж говорил, – женщина улыбнулась, отчего на щеках ее и около ушей собрались многочисленные черепашьи морщины, – что красивее меня он никого не встречал.

Джошуа кивнул, и горничная вышла.

Жизнь естественна, она подобна полету камня – взлет и падение. Она такова, что самое лучшее человеку дается в молодости. Этой женщине была дана в молодости красота. Это даже сейчас видно. Сейчас от этой красоты осталось мало, и ужасные морщины, что образуются при улыбке, стоит только ей взглянуть в зеркало, красноречиво предлагают женщине улыбаться реже.

Наверное, она брала в молодости от красоты все, что можно взять. Сейчас и рада бы, но уже не в состоянии этого сделать. А он молод, он полон сил, ума, имеет средства к полноценной жизни, но время пройдет, и начнется падение камня. Это будет, наверное, и страшно, и скучно. Поэтому-то надо брать все от жизни сейчас. Надо впитывать как можно больше впечатлений, надо жить так, чтобы кровь в теле бурлила!

Именно так он и старается жить...

И он будет так жить, пока молодость позволяет это!

* * *

В дорогу Джошуа не взял с собой ничего, кроме необходимых туалетных принадлежностей, уложенных в небольшой саквояж. Любую необходимую одежду можно купить на месте. Тогда какой смысл тащить с собой что-то из Парижа...

– Вы еще вернетесь, месье? – спросил портье.

– Нет... Едва ли...

– На чем вы собираетесь ехать?

– Скорее всего, полечу самолетом, – сам не зная для чего, может быть, опять следы путая, сказал Джошуа, хотя хорошо знал, что они поедут поездом, и Джо уже взял, вероятно, билеты.

– Вы позвонили комиссару Журдену?

– Да, только я не понял, что ему от меня надо...

Когда Журден в следующий раз появится в отеле, портье обязательно передаст ему слова Гольдрайха. И будет удивлен. Почему миллиардер соврал? Врут люди обычно, имея какую-то причину. Без причины врут, как говорит умная наука психология, только когда чувствуют внутреннюю потребность предстать другим, не таким, каким воспринимают человека люди со стороны. Врут, хвастаясь, или врут, унижая себя, или врут, придавая себе значимость. Это все укладывается в один канон, имея различную интерпретацию. Комиссару полиции желательно знать хотя бы основы психологии. Может быть, Журден знает эти основы. И будет много думать о Гольдрайхе. Будет думать – начнет подозревать. Это прекрасно. Это как раз то, что ему и нужно.

– Мне показалось, что комиссар хотел с вами встретиться.

– Может быть... – уклончиво ответил Джошуа. – Мне он такого прямого предложения не сделал. Кстати, как зовут вашу горничную?

Вопрос был задан с единственной целью – показать, что не желает разговаривать о комиссаре Журдене, что его слегка смущает этот разговор.

– Какую, месье?

– С нашего этажа. Пожилая арабка...

– Арабка?

– Да. Говорит с акцентом.

– Извините, месье. Вы, вероятно, ошиблись. У нас нет пожилых горничных. Все молоды и красивы. И уж тем более нет горничных-арабок. На вашем этаже живет пожилая египтянка с сыном. Вероятно, вы каким-то образом приняли ее за горничную, хотя я не понимаю, как это могло произойти. Но она не говорит по-французски вообще, а сын с большим трудом...

– Да нет же, – возмутился Джошуа. – Горничная-арабка постучала и зашла ко мне в номер. Предложила помочь собрать вещи в дорогу. Я отказался, и она ушла. Вот и все...

– Я не понимаю, месье...

Джошуа пожал плечами и направился к выходу. Пусть сами разбираются со своими горничными. Уже на улице, когда он ловил такси, пришла в голову мысль, что комиссар Журден работает оперативнее, чем можно было бы предположить, и прислал кого-то из своих сотрудников под видом горничной, чтобы осмотреть вещи Гольдрайха в поисках браслета с бриллиантами. Но эту мысль он тут же отбросил. Еще нет у комиссара причин подозревать его конкретно.

* * *

Джошуа не стал подъезжать к дому на такси. Кто знает, может быть, этот таксист постоянно дежурит возле отеля и сообщит комиссару Журдену, куда отвозил пассажира. Поэтому

велел остановиться около небольшого кафе, стилизованного под средневековый трактир, в паре кварталов от нужного места.

– Вы, месье, собрались здесь обедать? – поинтересовался таксист.

– Почему это вас интересует?

– Извините, просто здесь чуть не самые высокие цены в Париже. Почти как в «Максиме», а кухня обыкновенная, если даже не хуже обыкновенной. Если хотите избежать осложнений с желудком, я отвезу вас туда, где кормят очень хорошо и недорого.

– Я договорился здесь встретиться с приятелем, – Джошуа расплатился с таксистом, вышел из машины и осмотрелся.

Осматривался он не для того, чтобы полюбоваться улицей, а только лишь, чтобы дать возможность таксисту уехать. Но тот встал у бордюра против дверей кафе, дожидаясь клиентов. Если Джошуа сказал, что должен встретиться в кафе с приятелем, значит, следует в кафе зайти, хотя аппетита не было, а обедать при отсутствии аппетита – это набирать лишние килограммы на уровне пояса. Но уже около дверей ему пришла в голову новая мысль, заставившая остановиться. Вдруг да в самом деле комиссар Журден найдет таксиста и станет расспрашивать. Будет просто прекрасно, если поведение Гольдрайха таксисту запомнится чем-то особенным. И потому, уже взявшись за дверную ручку, Джошуа повернул в сторону и быстро пошел по улице. Наверняка таксист заметил его странное поведение, никак не отвечающее словам, сказанным о свидании. И пусть Журден соображает, чем такое поведение американца вызвано. А сам американец тем временем будет смеяться над комиссаром.

Джошуа прошел квартал до конца, свернул налево, прошел еще два квартала, опять свернул налево, дальше опять налево и в итоге вышел к тому же кафе. Такси уже не было. Теперь можно было зайти и спокойно пообедать, надеясь на похвальную активность комиссара Журдена. Аппетит после пешей прогулки неожиданно появился.

3

Виктор Петрович Тихонов за годы своей оперативной работы привык к тому, что листок, выпадающий из книги, в восьмидесяти случаях из ста имеет отношение к самой книге и только в двадцати является закладкой. Люди, откладывая в сторону недочитанную книгу, больше привыкли просто переворачивать ее обложкой вверх до того момента, когда снова возьмут в руки. И потому он сразу принялся рассматривать листок, что выпал из книги в комнате Владилена Юрьевича Столбова.

Почерк оказался малоразборчивым, но, вчитываясь, слова понять было можно. Правда, пришлось достать очки, которые носить на людях Виктор Петрович не любил, считая, что очки его старят. А он, хотя и вышел уже в отставку, хотел все еще чувствовать себя молодым, нравиться женщинам, до которых был большой охотник. Впрочем, сейчас о женщинах он не думал.

На листе бумаги были выписаны цитаты из книги, в которую сам лист и заложили. Цитаты с указанием страниц. Тихонов проверил. Все совпадало. Значит, саму книгу рассматривать необязательно. Но очень заинтересовала тема, над которой Владилена Юрьевич так старательно работал... Просто так, по позыву души бактериологическим оружием никто не будет интересоваться. Пусть и есть чудачки, которые коллекционируют даже пауков. Муж дочери самого Тихонова занимается этим, получив в наследство от отца отвратительную и богатую коллекцию. Хобби странное, неприятное, мрачное. Но даже это понятно, потому что – экзотика. Своего рода шок для любого гостя, который придет в квартиру. И какая-то значимость, ореол неприятного человека, чудачка с высокими мыслями. Некоторым это нравится... Но всерьез интересоваться бактериологическим оружием – это, как подумалось Виктору Петровичу, увлечением быть не может. Такое оружие никому не покажешь, такое оружие не будешь коллекционировать. А иметь на полке шесть книг на эту тему...

Что это? Тихонов, как опытный опер, сразу сделал вывод, что воинская служба Владилена Юрьевича Столбова проходила в соответствующих войсках, что именно там он попал в какую-то неприятную ситуацию, послужившую основанием для получения инвалидности. И пусть даже служил замполитом... Армии без замполитов не бывает...

Бактериологическое оружие в последнее время у всех на устах. О нем много говорят и пишут. Американцы особенно стараются разжечь ажиотаж, чтобы хоть как-то оправдать свою традиционную наглость, так ярко проявившуюся в отношениях с Ираком. О том же, что стало с бактериологическим оружием Советского Союза, никто так до конца и не знает. Особенно на территории постсоветского пространства. Часть, конечно, уничтожена, как было объявлено официально. Но до того, как была создана эта часть, проводились многие опыты и исследования. Различных зарядов, пригодных к использованию и не полностью пригодных, произведено великое множество. Где-то и при каких-то обстоятельствах они обязательно испытывались. Но наука на месте не топчется. Потом, при создании уже следующих поколений зарядов, устаревшие подлежали уничтожению. Подлежали... Но были ли уничтожены? При традиционной российской неразберихе и халатности нетрудно предположить, что где-то что-то осталось. Так, по крайней мере, постоянно твердит западная пропаганда. И это «где-то что-то» угрожает сейчас жизням людей.

Виктор Петрович подошел к окну, положил руку на раму. Во дворе, прямо под окном, стоит Столбов. Он уже отправил куда-то машину и опять разговаривает с местными небритыми мужиками. Угостил их сигаретами. Что-то они рассказывают ему. Что они могут рассказать? Только о том, что говорят в округе?

По дороге к дому улицы городка, мимоходом рассмотренные из окна машины, не показались Тихонову многолюдными. Сколько человек могло видеть само происшествие? Человека два-три. Ну, пусть даже пять человек... А рассказывают все так, словно это происходило у них на глазах. И каждый вставляет в рассказ свое видение ситуации, каждый готов ответить на любой уточняющий вопрос, словно сами занимались похищением. Следовательно наверняка допросил свидетелей самым тщательным образом. И это ничего не дало для поиска по «горячему следу», когда еще была возможность таким поиском заняться. Конечно, план «Перехват» в сельских районах разворачивать не умеют. Это в больших городах – в Москве, в Екатеринбургe, еще где-то – силовые структуры разворачиваются в течение часа и берут под свой контроль не только город, но и область. Здесь, в районе, пока почешутся, пока подумают, пока решатся побеспокоить вышестоящее начальство, чтобы согласовать действия, время уйдет безвозвратно.

Значит, при неудаче оперативного действия следует качественно вести следственные действия, очень дотошно вести, присматриваясь и придираясь к каждой мелочи, анализируя каждый факт и фактик. Но и этого здесь не умеют делать, потому что нет практики. Даже в самом райцентре дело пошло бы гораздо быстрее. А здесь, в городке районного подчинения, как говорят, отделение милиции состоит из пяти человек. Они не обучены работе в ситуациях, превышающих по тяжести содеянного пьяную драку. И винить их нельзя. Так же трудно и следователя прокуратуры винить за то, как он провел осмотр квартиры. Нет опыта. Опытный следователь не оставил бы без внимания книжную полку. Заинтересовался бы книгами по бактериологическому оружию, такими чужеродными в личной библиотеке учителя истории.

Сам Тихонов, осмыслив все, увидел в этих книгах реальный след, по которому можно вести поиск...

* * *

Столбов-младший под окном что-то выспрашивает. Ему объясняют. Он спрашивает снова. Объясняют, видимо, не совсем понятно. Иначе они и не умеют. Они сами ничего не

знают. А Столбов сердится. Он любит, чтобы ему подавали сразу и все. Привычка человека, неограниченного в средствах. Эта привычка вредно сказывается на характере и часто мешает в повседневном общении с людьми, которые считают такого человека капризным самодуром. И во многом, честно говоря, правы.

Сейчас Столбову-младшему есть отчего сердиться. Но он не всегда такой, хотя мягким его назвать трудно. А вообще-то, он мужик неплохой, и Тихонов без труда сумел перестроиться после службы в ФСБ на работу с полууголовным авторитетом. Некоторые отставники пробовали подобное, но после ощущения собственной значимости и силы власти им трудно было перейти в подчинение к людям, которых раньше сами же преследовали. Виктор Петрович отнесся к этому вопросу философски и обдумал свою линию поведения и даже свою линию восприятия отношений загодя, чтобы не встречаться с неприятными неожиданностями. И в результате совместная работа получилась спокойной, без ломки характера.

Но сейчас предстоит доказать и собственную незаменимость.

Не углубляясь в детальное изучение выписанных Столбовым-старшим цитат, потому что дать они ничего не могли, Виктор Петрович вернулся к столу и разложил газеты для просмотра. Среди газет попался даже журнал «Профиль», носитель, как правило, сугубо столичных проблем, но что-то там Владилена Юрьевича тоже заинтересовало. Сами газеты почти все тоже разные. И местные, и центральные. Прочитать все это следовало, чтобы выявить предмет интереса более конкретно, но заняться этим можно и чуть позже. В первую очередь следует рассмотреть даты. Если судить по пожелтевшей бумаге, многие из газет достаточно старые и лежат на столе или лежали до этого на полке уже не первый, должно быть, год.

Тихонов в пору своей службы следственные действия любил, как многие люди любят кроссворды, и не зря имел репутацию хорошего опера. Он умел проводить методичное исследование, в результате которого мог выделить главное направление поиска, и если убеждался в своей правоте, то действовал цепко и с напором. Сейчас ему, конечно, труднее. Он не имеет даже лицензии на частную детективную деятельность. Лицензия охранника может, конечно, открыть ему ограниченный доступ к материалам следствия, если районный прокурор человек не слишком плохой, а следователь не слишком в себе уверенный. Но этого мало. Прокуратура, скорее всего, не пожелает допустить человека со стороны до своих документов. Придется действовать другим способом. Старые связи остались во многих областных управлениях. Записная книжка у Виктора Петровича всегда с собой. Надо будет позвонить и попросить о содействии. Чтобы сверху пришел звонок-просьба. На такие просьбы сельские прокуроры реагируют, как правило, положительно и не отказывают. А если откажут, то придется просто включать в поиск настоящих оперов из областного управления. Что сказать им и как преподать существо дела – стоит еще продумать, но основное направление Виктор Петрович уже уловил. При такой подаче данных дело начнут раскручивать большими силами.

Скрипнула, тужась разболтанными петлями, стараясь с косяка не сорваться, дверь в коридоре. Вернулся Алексей Владиленович.

– Нашел что-то? – спросил со спины.

Голос тяжелый. Переживает, должно быть, после разговора с земляками. Это неудивительно. Последний родной человек у него остался – отец. И такая история... Любей переживать будет, если не все бизнес из него выжал, если остатки души имеет.

– У меня пока появились предположения... Будем искать и другие варианты, а потом остановимся на самом вероятном, – уклончиво ответил Тихонов. – Как там, кстати, с моими просьбами? Относительно подписки на газеты и данных из военкомата.

Истерично взвизгнул под нелегким телом диван. Алексей Владиленович не сел, а упал на него.

– Я отправил машину на почту. Сейчас вернется. И позвонил Саньку. Он из прокуратуры заедет в военкомат. Наведет справки. Санек вежливый, договориться умеет.

Тихонов снял очки и положил на стол. При дальновзоркости смотреть на собеседника сквозь стекла не всегда удобно. Не так видишь глаза.

– В каком хотя бы году ваш батюшка вышел на инвалидность? Не знаете...

Алексей Владиленович вздохнул красноречиво, подчеркивая этим известный факт, что взрослые дети почти ничего не знают о жизни родителей в годы, когда родители были моложе, чем они сами сейчас. Даже в том случае, если родители пишут мемуары. Это проверено опытом.

– Меня тогда еще не было. Разговоры какие-то были, но сейчас сообразить трудно. Мне кажется, в начале пятидесятых...

– Хорошо.

– Что хорошего? – Резкий вопрос и недобрый. Даже и не вопрос, а реплика.

– Это я по другому поводу...

Когда бросают такие реплики, лучше не заниматься пустой болтовней. Опять очки на нос – и к делу.

Тихонов стал заносить в рабочую тетрадь даты выхода газет не во временном порядке, а в том, в котором они были сложены на столе. В принципе, газеты на столе могут быть сложены и без всякого порядка. Нужна какая-то одна, не трудно перебрать все и найти нужную. Но судя по тому, как были сложены газеты, по тому, как подобраны цитаты из книги, Владилен Юрьевич любил порядок во всем.

– Ваш батюшка... методичный человек?

Он чуть было не допустил бестактность и не задал вопрос со словом «был». Но удержался вовремя.

– Он любит, чтобы у него все было на месте. И всегда знает, что и где у него лежит. Армейская привычка к порядку. Меня долго к этому приучал... Своим примером. Да... Методичный...

– Я тоже так подумал. Это важно. Вы, кстати, не спросили земляков, не приезжал ли кто к нему в последнее время? Не получал ли он писем? Не спрашивал ли кто посторонний про него?

– Все это спросил. Никто ни приезжал, письма получал редко, посторонние про него не спрашивали. Но около универсама три дня подряд перед похищением по несколько часов ставили одну и ту же машину – белый микроавтобус «Газель», и какие-то незнакомые люди гуляли по городу. У нас не часто бывают незнакомцы. Город в стороне от торных путей. Поэтому их заметили.

– Номер машины...

– Никто не обратил внимания. Обратили внимание на другое. Все эти приезжие носили черные одежды и... сами были чернявые. И, как говорят, какие-то натянутые, сдержанные, как роботы. Даже пива не пьют и не курят. У нас тут привычка у людей... Кого увидят чужого, закурить спрашивают. Не любят свои курить. У них тоже спрашивали. Причем, разные люди. Не курят... Или просто жадные...

– Что такое – чернявые? Кавказцы? – пожелал уточнить Виктор Петрович.

– Говорят, что татары. У нас в районе есть несколько татарских деревень. Подумали, они оттуда.

– Это необходимо проверить.

– Как это проверить?

– По машине. Есть ли в этих деревнях «Газель». Микроавтобус, преимущественно, городская машина. Для сельской местности мало пригодная. Не любит сельских дорог.

– Я должен послать машину прокатиться по этим деревням? – Столбов спросил даже с вызовом.

– Нет. Я хочу съездить чуть позже, может быть, завтра, в прокуратуру. Познакомлюсь с прокурором района, со следователем. Попрошу узнать их. По официальным каналам такую

справку можно навести за полчаса. И не возникнет непонимания. Кроме того, не насторожит похитителей, если они в самом деле оттуда. Кстати, сопутствующий вопрос. Как ваш батюшка относится к вере вообще и к исламу в частности?

– Вы видите в квартире хоть одну икону?

– Я уже обратил внимание на отсутствие икон, хотя сейчас иметь иконостас в доме стало модным. У вас лично, насколько я помню, только в машине три иконы.

– У меня и дома тоже целый иконостас. Но отец...

– Понимаю, что мой вопрос лишний, но все же спросил для ясности. А его отношение к исламу?

– Насколько я могу знать – он никогда не проявлял к этому вопросу никакого интереса. И в национальном вопросе был весьма сдержан. Как бы вам правильнее объяснить... Он уважал людей, независимо от национальности.

– Похвальное качество для последних российских годков, – скорее сам себе, чем Алексею Владиленовичу, сказал Тихонов. Он закончил классификацию газет по порядку расположения в стопке и по времени выпуска. Теперь уже можно было ознакомиться и с их содержанием.

– Чтобы нам время не терять, Алексей Владиленович, давайте вместе работать. Просмотрите часть газет. Ищите статьи о бактериологическом оружии и откладывайте отдельно...

– О чем? – Столбов-младший явно удивился. Из чего Тихонов сделал вывод, что отец не любил разговоры о своей службе и никогда не делился с сыном своими переживаниями.

– О бактериологическом оружии. Такие здесь должны быть...

– Чувствую, что вы какую-то зацепку нашли.

– Посмотрим...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Доктор Смерть прислал из Уфы по электронной почте зашифрованное сообщение. Тобако расшифровал текст быстро, запустил его в распечатку, а сам принялся читать его с монитора, привычно и даже чуть утрированно выделяя интонации, свойственные Доктору, и даже слегка подражая его тяжелому голосу:

Срочно.

Басаргину.

1. Ситуация с поиском сложная. Словно смотришь телепередачу на языке, который не знаешь. Моя сеть информаторов и внештатных сотрудников в Уфе имеет очень ограниченный выход на людей предполагаемого окружения группы «Черный ангел». Обуславливается это тем, что по профилю предыдущей деятельности мои люди завязаны в основном на поставщиках и потребителях наркотиков. А «Черный ангел», среди всего прочего «черного», занимается еще и благим делом – пропагандирует здоровый образ жизни и своими силами выполняет задачи по борьбе с наркоторговлей (Аллах им в помощь!). Есть подозрения, что именно в результате деятельности этой группы бесследно пропали два наркокурьера с «грузом». Хочется верить, что груз был уничтожен. В результате поисковых мероприятий встал вопрос о финансировании группы «Черный ангел» нетрадиционными методами, поскольку нарушается прежде стабильная цепочка между террористами и наркоторговцами. При этом законным выглядит и другой вопрос – о причастности «Черного ангела» к терроризму, поскольку это понятие не является синонимом национализма. Единственная указывающая улика в этом деле – наличие книги Маригеллы. Как удалось установить, эта книга распространялась в Уфе более широко, чем в Астраханской области, и даже появлялась на книжных развалах у частных торговцев литературой вместе с книгами о спецназе и антитерроризме, а вовсе не с ваххабитской литературой, которая здесь тоже появляется в продаже. Выяснено, что распространяла книгу именно группа «Черный ангел» и имела с этого довольно ограниченный доход. Игра в торговлю не стоила сгоревших свеч. Благодаря ей «ангелы» попали под контроль местного управления ФСБ, что помогло мне найти хоть какие-то сведения.

В связи со сложной поисковой обстановкой, невозможностью эффективной деятельности старой сети внештатных сотрудников и длительностью сроков по созданию новой оперативной сети прошу запросить согласие Лиона на официальное привлечение к поисковым мероприятиям сотрудников республиканского управления ФСБ, на которых я могу положиться, зная их по совместной работе в других операциях.

2. Спасибо переводчику и издателю книги Маригеллы. Особая благодарность гению, решившему пустить книгу в продажу. Именно благодаря ему проявился интерес ФСБ к определенным персонам. Мне удалось вскрыть файлы базы данных местного управления ФСБ и скопировать следующие документы по группе «Черный ангел»:

– список активных членов группы, их социальное, образовательное, профессиональное и финансовое положение;

– докладную записку «сексота» ФСБ, касающуюся достаточно частого передвижения членов группы по стране и их зарубежных поездок;

– список лиц, только привлекаемых к отдельным мероприятиям группы;

– список интегрированных членов – башкирских организаций, достаточно близких по своему духу к идеям национализма, культурных, спортивных, исторических и прочих.

Документы прилагаются.

Простой анализ данных документов дает возможность предположить наличие внешнего источника финансирования многочисленных поездок членов «Черного ангела». Ни один из членов группы не имеет устойчивого финансового обеспечения и не в состоянии на собственные средства осуществлять долгосрочные зарубежные поездки. Своими силами группа не смогла бы приобрести два джипа «Тойота-Лендкрузер» и три автомобиля «Газель» – два микроавтобуса и фургон. Автомобили оформлены на частных лиц.

Исходя из этих материалов, пытаюсь выяснить, кто из членов группы в настоящее время находится вне Уфы, кроме уже известных нам людей, отправившихся в Саудовскую Аравию. Для этого пришлось посадить трех человек из моей группы поддержки на компьютерный контроль авиационных и железнодорожных касс.

Прошу рекомендовать штаб-квартире в Лионе обратить особое внимание агентов в Эр-Рияде на Ирека Мунтагирова, поскольку отчетливо просматриваются мероприятия «Черного ангела» по прикрытию его другими членами отъезжающей группы. Обоснование необходимости прикрытия выяснить не удалось.

3. Касательно запроса комиссара Костромина:

– занятий активных членов уфимской группы «Черного ангела» дельтапланеризмом не отмечено;

– в городе Салават существует отдельная группа «Черного ангела», никак организационно не связанная с уфимской группой. То есть организация существует строго в соответствии с рекомендациями Мариеллы по проведению мер конспирации. Сегодня вечером выезжаю в Салават для выполнения задания Костромина по поиску следов Рената Киреева. По слухам, в Салавате есть сильная школа дельтапланеризма. Связь школы с группой «Черный ангел» предстоит проверить.

Гагарин

Тобако закончил чтение и осмотрел собравшихся, словно спрашивая их мнение.

– Относительно улик против «Черного ангела» Доктор категорично не прав, – сразу дал комментарий Басаргин. – Причастность этих парней к терроризму можно предположить, только исходя из участия отдельных членов в боевых действиях на стороне чеченских бандформирований. Это отмечено не только по документам ФСБ, но и по документам Интерпола. Если бы мы имели только одного их представителя в Чечне, пусть даже пару, я бы еще согласился принять сноску на случайность. Но в банде Бараева было четыре «ангела» из Татарии и один из Башкирии. Это уже серьезный факт, говорящий о целенаправленной подготовке и коллегиальном мышлении.

– Андрюша, отвечай сразу, – сосредоточенно морща лоб, сказал Костромин. – Пока Доктор рядом с компьютером. Сначала дай мнение Басаргина по вопросу причастности к терроризму. Потом... От меня... Действия по Ренату Кирееву прошу считать первоочередными. Привлечение сотрудников ФСБ нежелательно и допускается только в случае крайней необходимости.

– Насколько я знаю реалии, – прервал комиссара Тобако, – такая необходимость есть. Вся сеть Доктора так или иначе связана с наркоторговцами. И их выход на «Черного ангела» просто физически опасен. Доктор таким образом может просто подставить своих людей под удар и не получить при этом никакого конкретного результата. Стоит ли так рисковать?

– Тогда добавь, чтобы ориентировался по обстановке. Дополнительно. Необходимо добыть информацию обо всех жителях Салавата и... и даже всей Башкирии, открывавших в течение последнего года визу во Францию. Все виды виз... Долгосрочные и краткосрочные, туристические, гостевые и прочие... Здесь, пожалуй, Доктор сумеет обойтись без ФСБ. По крайней мере, пусть постарается быть хорошим хакером. Работа большая, но ее следует выпол-

нить срочно. Кроме того... В самом Салавате необходимо определить, кто из близкого окружения Киреева находится сейчас во Франции, потому что был он там не один. Это абсолютно точно. Нам необходимо поименно знать его группу поддержки, чтобы предотвратить замену Киреева. Для этого еще необходимо выяснить, есть ли среди таких людей дельтапланеристы и каков уровень их подготовки. Сам Киреев был хорошим дельтапланеристом, это несомненно. Эксперт только языком цокал, когда смотрел на место, где наш герой разбился. Не каждый на такой полет решится. Да еще в темноте. Последний вопрос архиважный! Его следует выделить и обратить еще раз внимание на срочность. Дальше... Кто – сам ли Киреев или кто-то из его близкого окружения из числа тех, кто выехал во Францию, – знаком со взрывными работами?

– Это все? – Тобако набрал текст достаточно быстро.

– Все. Две подписи. Басаргин и я.

– Костромин и Басаргин. По старшинству, – уточнил Александр.

– Шифруй.

Андрей запустил программу-шифратор. На обработку текста ушло менее двух минут.

– Готово. Отправил.

Костромин откинулся на спинку кресла.

– А теперь, Андрюша, готовь новое послание. В штаб-квартиру. От моего имени. Я прошу пересылать мне все данные по расследованию происшествия в Кольмаре сюда, чтобы использовать аналитические способности Басаргина на полную мощность. Отметь последнее особо. Курсивом, что ли, выдели. Мне советовали забрать вашего командира с собой, чтобы он сориентировался на месте, но пока Саша не выучил как следует французский язык, здесь от него пользы будет больше.

– Некогда! – развел руками Басаргин, понимая, что ему высказан укор. – Абсолютно некогда заниматься самосовершенствованием...

– Надо заниматься. А пока ты не занимаешься, будем использовать твою вычислительную машину, – комиссар показал пальцем на голову Александра, – здесь...

– Я ее включил. Приступайте к работе, – сказал Басаргин.

– Загружайся данными.

2

Квартира пока не утомляла Гольдрайха своей простотой и отсутствием многих мелких удобств, которые давно и прочно вошли в его быт. Он не привык жить в таких квартирах. А то, к чему он не привык, еще какое-то время могло развлекать. Так, ему даже понравилось, что кран над раковиной в кухоньке слегка протекает и создает эффект живого природного ручейка. Это слегка забавляло и поддразнивало живое воображение игривым звуком. Чуть забавляло отсутствие души. Чуть не смешил факт, что нет под рукой кухарки, которая приготовит завтрак. Более того, оценивая все прелести жизни в квартирке, Джошуа пообещал себе, что, вернувшись с гор, обязательно попробует сам приготовить себе хотя бы завтрак. Он еще ни разу в жизни сам себе не готовил, и хотелось попробовать. Повалевшись с такими плавными и безмятежными мыслями на кровати, не раздеваясь, но и не засыпая, он дождался, когда на город опустились сумерки, и встал. Наступил долгожданный и слегка манящий парижский вечер со свойственным ему ароматом жареных каштанов. Этот аромат запал в память Джошуа с детства и сейчас восстановился легко и быстро.

Вечером Джошуа скучать не хотелось совсем. Никогда ему этого не хотелось. И особенно парижским вечером, потому что парижские вечера всегда особые. И даже зная, что утром ему предстоит отправиться в дорогу, он не побоялся беспардонно проспаться и опоздать на поезд. Он всегда спал мало и на подъем был легок. И решил сначала просто погулять, а потом в очередной раз попытаться счастья за рулеткой. Тем более что по американским нормам только-

только вступала в права естественная ночь. Акклиматизация в новом часовом поясе еще не осуществилась полностью, и было большое искушение спутать поздний вечер с ранним утром. А когда чего-то сильно хочется, противиться этому было против правил Джошуа.

Он не особенно придирчиво осмотрел свой костюм. На званый вечер после пары часов, проведенных в лежачем положении, идти, конечно, нельзя. Но в казино – почему бы и нет? Его костюм совсем не напоминает джинсовый, а складку на поле пиджака можно получить и сидя в такси. В самом деле, не возить же с собой по городу утюг...

Выйдя на улицу, Гольдрайх прогулялся несколько кварталов пешком, выпил стаканчик вина в открытом кафе и обменялся парой слов с официанткой, совсем не похожей своей широкой костью и сильным торсом на жилистых лицом и телом француженок, а потом, выйдя на улицу, остановил такси.

– В казино «Mille la deuxième nuit»,¹³ – сказал водителю на своей англо-французской смеси.

Водитель понял и молча поехал.

Название этого казино Джошуа слышал однажды за рулеточным столом в Лас-Вегасе. Разговаривали два завсегдатая, два хронических неудачника. И один из них рассказывал другому, как потрясающе ему везло целую ночь в этом парижском казино. Так везло, что двухмесячная поездка во Францию оказалась прибыльной, несмотря на то что после этой ночи выигрыш пришлось тратить только под контролем жены. Вернее, пришлось контролировать траты жены...

Джошуа ехал в надежде, что ему не повезет.

Казино не поразило своими внешними атрибутами. Это явно не американский размах. Чуть в стороне машет светящимися крыльями ветряной мельницы «Мулен Руж»,¹⁴ а здесь над входом вертится только небольшая электронная рулетка. Зато публика здесь выглядит более степенной, чем в Лас-Вегасе. Не суетливые нувориши, быстро разбогатевшие и так же быстро стремящиеся разориться, а настоящие европейцы, чувствующие свое превосходство в чем-то другом. И, конечно, никто не ходит здесь в казино в джинсах. Чувствуется воспитанный веками вкус. Хорошее определение, весьма подходящее к моменту, дал когда-то отец Джошуа: «Американцы чувствуют свое внешнее превосходство перед европейцами, а европейцы чувствуют свое внутреннее превосходство над американцами. И потому они никогда не будут любить друг друга». Здесь, на каменных ступенях солидного старинного здания, младший Гольдрайх понял старшего Гольдрайха. И это понимание понравилось ему. Показалось, что такая солидная публика играть будет очень солидно. Они обязаны знать, как следует играть.

И Джошуа смело шагнул в распахнутую швейцаром дверь с твердым желанием проиграть много.

* * *

Покупка большого количества самых дорогих желтых фишек сразу привлекла к нему общее внимание. Впрочем, это всегда и обязательно происходило в любом казино и не удивило Джошуа. Просто он не любил ходить лишний раз к кассе, когда умудрялся все спустить в мгновение ока. И за рулеточным столом с его манерой игры деньги и выигрывались, и проигрывались очень быстро. Редко кто делал такие же крупные ставки. Редко кто может позволить себе такое...

---

¹³ «Тысяча вторая ночь» – казино в районе Монмартра.

¹⁴ Фасад знаменитого парижского варьете «Мулен Руж» украшен лопастями ветряной мельницы.

И в этот раз произошло то же самое. Джошуа подошел к рулеточному столу вовремя. Крупье только сказал свою традиционную фразу: «Faites les taux, mesdames et messieurs!»,¹⁵ как он сразу вывалил целую горсть фишек на поле «двойного ноля». И не обратил внимания на взгляды окружающих его людей. Это для них такие деньги – возможность купить новую машину или приличный дом, а для него это только ставка. Только ставка, и больше ничего. Впрочем, нет... Для него это возможность почувствовать, как быстрее бегают в теле кровь, как стучит она в висках. Это ощущение момента незнания и невозможности управлять...

Момент безвозвратности судьбы...

Где он, этот момент? Где он?

Джошуа прислушался к себе. Нет, ничего не шевельнулось внутри, и совсем не появилось волнения, когда шарик рулетки, с привычным рокотанием прокатился несколько кругов и остановился там, где Джошуа и хотел, то есть очень далеко от сектора его выигрыша. Джошуа проиграл...

И этот проигрыш заставил его внутренне улыбнуться. Внешняя улыбка в этом случае будет выглядеть отчаянием, бравадой, еще чем-то, что было ему не свойственно. Но внутри он улыбался оттого, что хотел риска. И потому сразу же за таким крупным проигрышем снова поставил горсть фишек на то же самое поле. Любой игрок понимает, что удача и неудача идут полосами. А он сделал ставку, словно не знал этого правила. И даже не дал себе времени успокоиться после первого проигрыша, который другого поверг бы в шок. У Джошуа шока не было. Он сделал ставку, не переводя дыхание.

И проиграл опять. А потом проиграл и в третий раз. За две минуты он проиграл три шикарные машины. Но почему внутри осталось прежнее равнодушие? Никогда не было такого, чтобы игра не заставляла волноваться. Только когда крупно выигрывал – да, тогда он чувствовал к своей судьбе нечто вроде отвращения. Неужели и это теперь его не трогает?

Джошуа проиграл и четвертую ставку. И вконец расстроился. Но не из-за проигрыша, а оттого, что не расстраивается из-за игры, не нервничает.

Чтобы сбросить дурное настроение, он прошел к стойке бара и взял рюмку водки. И после маленького первого глотка почувствовал, как кто-то трогает его за локоть. Джошуа обернулся.

Перед ним стояла пожилая дама из самолета, хозяйка браслета, который забылся как-то за скучной игрой.

– Я рад увидеть, что Париж узнал вас даже трезвую... – сказал Гольдрайх с улыбкой.

– Что? – Дама сурово нахмурилась.

– Вы в самолете сказали мне, что Париж не узнает вас трезвую, а вы не узнаете трезвой его.

– Я так сказала?.. – Она попыталась вспомнить. – Впрочем, я была взволнована предстоящей встречей с городом своей молодости и выпила лишку. В таком состоянии я могу много чего красивого наговорить. Извините меня. Должно быть, я выглядела не слишком хорошо...

В ее возрасте вообще невозможно выглядеть слишком хорошо, если слово «слишком» можно употреблять со словом «хорошо». Но говорить этого женщине нельзя. Джошуа Гольдрайх хорошо воспитан.

– Что вы, вам совершенно незачем просить у меня прощения, – Джошуа поклонился с милой улыбкой. – Вы не совершили ничего предосудительного.

– А-а... – махнула она рукой. – Что я совершила, что я не совершила – это все неважно. Просто у меня дурное настроение. У вас тоже, наверное, скверное настроение. Я видела, как быстро вы проиграли черт-те сколько...

– Разве? – удивился Джошуа. – А мне показалось, что я проиграл совсем немного... И я хотел было пойти проиграть еще столько же.

¹⁵ «Делайте ставки, дамы и господа!»

Пожилая дама посмотрела на него с недоумением и с любопытством. Но тут же дурное настроение вернулось к ней. Джошуа показалось, что он догадывается о причине плохого настроения своей соседки по самолету.

– Вас еще не замучил комиссар Журден?

– Это кто такой? – спросил Джошуа равнодушно, но кровь в теле забежала быстрее. Он почувствовал это. И маленькие молоточки начали постукивать в висках. Началось...

Это гораздо приятнее самого крупного проигрыша!

– Комиссар Журден из уголовной полиции.

– Да, мне звонил какой-то комиссар... Я не понял, что ему надо.

– А вы не встречались?

– Нет.

– Он, говорят, всех пассажиров нашего класса, кого смог найти, допрашивал наглыми вопросами. Я думала, что и до вас он добрался.

– А что ему надо? – без всякого любопытства спросил Джошуа.

– История произошла неприятная. Я поехала в Европу после смерти своего мужа. У него взрослые дети от первой жены. Она оставила им в наследство какие-то драгоценности. На довольно приличную сумму. И вот одновременно с моим отъездом эти дети заявляют, что из семейного сейфа пропал браслет их покойной матери стоимостью в два миллиона двести тысяч долларов. Это старинный ювелирный раритет. Я этот браслет в глаза не видела, а подозревают меня. Вы же понимаете, каково быть мачехой у взрослых детей. Они меня, мягко говоря, не очень любили. Знали, что я в молодости была танцовщицей в варьете и натурщицей у художников. Это им не нравилось. А я вот горжусь своим прошлым... И горжусь тем, что я провела свои лучшие годы в Париже...

– А какое отношение я могу иметь к этому браслету?

Стало опять скучно, и молоточки в висках стучать перестали.

– Вы сидели в самолете рядом со мной. У меня в руках была сумочка. Так вот, горничная в доме детей моего покойного мужа утверждает, что перед отъездом видела похожий браслет у меня в сумочке, когда сумочка лежала раскрытая в кресле. Сама, наверное, украла этот браслет, а говорит на меня.

– Простите, но я так и не понял своей роли во всей этой истории.

– Я уснула и уронила сумочку. Сосед с заднего ряда сказал комиссару, будто видел, как вы за ней наклонялись. Еще кто-то видел, как вы поднимали что-то с пола.

– Честно говоря, я не помню такого. Хотя, вполне возможно, что я и поднимал вашу сумочку. – Джошуа захотелось зевнуть. – Извините, передайте мой поклон комиссару Журдену, а я продолжу игру.

Он в расстроенных чувствах допил водку и направился опять к рулеточному столу. Надо же, и здесь, оказывается, не его подозревают, а старушку...

На сей раз Джошуа поставил все оставшиеся фишки на «двойной ноль» и выиграл с полтора десятка шикарных машин. Но ему было все равно, выиграл он или проиграл.

Молоточки в висках не стучали...

* * *

Получив в кассе чек, не в лучшем настроении он направился к выходу.

И в дверях столкнулся с другой пожилой дамой, лицо которой показалось знакомым. Дама приехала в казино с сопровождающим ее молодым человеком. Несомненно, это были арабы или мексиканцы, хотя и одеты оба в европейские одежды. Арабов в Париже полно, а мексиканцы здесь редкость, поэтому первый вариант выглядел более реально. Оба красивые, хотя красота женщины и увяла уже с годами. Но гордый и четко очерченный профиль говорил

о недоступной и властной натуре. И эта недоступная и властная натура взглянула на Джошуа с откровенным интересом. Взгляд был очень коротким, мгновение только, и женщина со спутником прошли мимо, но Джошуа почувствовал интерес к себе.

Он этого интереса не понял, потому что геронтофилией никогда не страдал. Посчитал, что женщина где-то видела уже его, потому и посмотрела так. Да и сам он, кажется, уже видел ее. Только в какой-то другой обстановке. В какой только, дай бог памяти?

Уже на стоянке такси Джошуа понял, что пожилая женщина очень похожа на горничную-арабку, что желала помочь ему собрать вещи перед отъездом.

Должно быть, национальность дает такое сходство, решил Джошуа. Он вспомнил, как на Аляске во время краткосрочной поездки пытался отыскать в толпе других эскимосов своего сопровождающего, но так и не смог узнать. Эскимосы все казались ему на одно лицо. Почему бы не произойти такому же эффекту и с арабами...

3

Отправляясь сюда вместе со Столбовым, Тихонов не знал еще, с чем столкнется. Он ставил себе задачу более простую – посмотреть, если удастся, чем занят следователь, что-то подсказать, указать, если получится наладить контакт, потому что не каждый следователь любит подсказки со стороны. Может быть, дать правильное направление, опираясь на богатый опыт. В самом лучшем случае, если появятся в голове мысли, соответствующие ситуации, самому провести быстрое расследование. Но застревать в долгом следствии он, естественно, не хотел. И уж никак не рассчитывал столкнуться с делом такого уровня.

Теперь пришлось на ходу осмысливать ситуацию и примеряться к ней.

С одной стороны, Виктору Петровичу хотелось, чтобы его первая же версия оказалась рабочей. Он даже удивился, как не ухватился за нее местный следователь, побывав в этой квартире. Ведь на поверхности все лежало. Должно быть, сработал местечковый уровень, неумение смотреть широко, неверие, что, кроме саженцев помидоров с подоконника, здесь, в ихних местах, могут что-то украсть. А украсть человека – с таким здесь вообще не встречались. И потому следователь сразу заиклился на похищении с целью получения выкупа. И не заметил очевидное. А Виктор Петрович заметил. И было бы хорошо быстро дело раскрутить. Это показало бы его класс оперативника. И такой класс в действительности существовал совсем недавно, и отставной майор гордился им.

Но, с другой стороны, откровенно не хотелось влезать в достаточно серьезное расследование, где фигурирует бактериологическое оружие. Только имея за спиной мощное прикрытие государственных силовых структур, а уж никак не уголовной братвы, можно было бы связываться с замешанными в ситуации людьми безбоязненно. Столбов-младший ситуацию не поймет. Он в своей братве уверен, потому что не встречал еще сопротивления специалистов. И если братва годится против братвы, по мнению Алексея Владиленича, она могла оказаться способной и на большее. Он просто не знает, какие средства вкладываются на подготовку одного спецназовца. А у государства стабильно нет свободных денег. И тем не менее средства для спецназа находятся. И только спецназ может на равных бороться с терроризмом. Конечно, и террористы не имеют высокой подготовки. Но они скрыты, и это уравнивает шансы. Но как объяснить ситуацию упрямому, как телеграфный столб, Столбову?

Сам Тихонов хорошо представлял себе, кто может таким оружием интересоваться и как эти люди отнесутся к любому постороннему, кто попытается влезть в их дела. Здесь вопрос стоит не о борьбе, а о способе уничтожения противника. Кратчайшем и жесточайшем. И любой способ будет признан хорошим, если он будет эффективным. При этом сам расследующий это дело остается открытой мишенью, стоящей на чистом месте, и не знает, откуда следует ожидать

нападения противника. Тихонов представлял даже то, как террористы отнесутся к офицеру ФСБ. А уж к отставному офицеру – и говорить не стоит...

Опасность велика. Но Столбов, скорее всего, от своего не откажется.

– Если моя версия, Алексей Владиленович, подтвердится, то наши жизни, можно сказать, уже ничего практически не стоят...

– Что? – сухо и настороженно, словно ему уже угрожали, переспросил Столбов.

– Как только мы выйдем на людей, похитивших вашего батюшку, следует ждать, что нас мимоходом пристрелят, как отмахнутся. Этим людям мы – надоедливые мухи, не более...

– Выходит, ты знаешь, что это за люди? – В голосе мрачная уверенность в себе. Не человек, а упрямый, не знающий страха кабан-секач, готовый ринуться в атаку. Только что не хрюкает.

– Откуда я могу знать...

– Тогда какого хрена пугаешься?

– Я не из пугливых. И два ранения, между прочим, имею. Привычный уже к стрельбе в свою сторону. Две командировки в Чечню, где нас не пряниками встречали... Это тоже что-то значит.

– Так что же ты...

– Я предупреждаю вас, чтобы вы были готовы, – осторожно «перешел мост» Тихонов, но не решился сжечь его за собой. – Мы выступаем против серьезных людей. И абсолютно безжалостных.

– Значит, ты все-таки знаешь, кто похитил отца? Если так говоришь о них.

– Я предполагаю. Знать я не могу. Особенно – знать конкретно. Я вижу перед собой причину похищения. И предполагаю, кто мог похищение совершить. Это не простые рэкетеры и уж совсем не уголовники. Это даже не мафия. Это террористы... Хорошо организованные, имеющие доступ к разного рода информации. Впрочем, мафия, как политическая, так и экономическая, всегда в какой-то степени с террористами повязана.

– Почему именно террористы?

– А вы считаете, что бактериологическое оружие может понадобиться уличным хулиганчикам, чтобы заразить какой-нибудь гадостью мальчиков из противостоящей группировки? Я сомневаюсь. И никакой армии это не может понадобиться, потому что использование бактериологического оружия запрещено международными конвенциями. Применение любой страной бактериологического оружия чревато такими же последствиями, как недавно произошедшее вторжение в Ирак. Но там оно даже не было применено. Ходят слухи, что между ядерными державами мира существует скрытая договоренность о возможности применения ядерного оружия против страны, применившей оружие бактериологическое. Применить бактериологическое оружие – значит выпустить джинна из бутылки. Того самого джинна, который способен уничтожить мир.

– Значит, террористам...

– Только террористам. Для массового заражения. А если они не желают шадить людей совершенно им незнакомых, беззащитных, не готовых к сопротивлению и ничего плохого им не сделавшим, то как они поступят с теми, кто пытается им противостоять? Вы понимаете, о чем я говорю?

– И мой отец...

– Я предполагаю, что он является носителем какой-то закрытой информации. И сам, возможно, открыл часть ее, не подозревая, что этим сделал себя дичью для охотников.

– Значит, следует ожидать... Из него выкачают эту информацию... И...

Тихонов отрицательно и успокаивающе качал головой:

– Не так скоро. Простой информации они могут не поверить. Гарантировать хорошее к нему отношение я не могу, но жизни Владилен Юрьевича ничто не угрожает до тех пор, пока они не нашли, что желают найти. Потом надобность в нем отпадет.

– И это значит...

– Это значит только одно: нам надо искать, не покладая рук, день и ночь, как можно быстрее. При этом я хочу предупредить, что разрабатываю сейчас только версию. Вполне может оказаться, что дело гораздо проще. И дай-то бог... Но сбрасывать со счета мою версию нельзя. И, как самую опасную, ее следует разрабатывать в первую очередь.

– Что это за оружие? Вы не знаете?

– Из того, что я пока увидел в газетах, речь идет, скорее всего, о законсервированных спорах сибирской язвы. Английское название «anthrax», французское название «anthrax carbon». Только не думайте, что я такой грамотный. Это я только что вычитал. Здесь, – Виктор Петрович кивнул на газеты, – я пока увидел только перепечатки нашими газетами иностранных выступлений по поводу российского «авось», которое позволило нам в разные годы законсервировать бактериологическое оружие, вместо того чтобы уничтожить его. Хотя официально оно считается уничтоженным.

Столбов задумался.

– Я помню с детства какие-то разговоры... Но ведь язва... Сибирская... А у отца были поражены легкие... Ему именно на легких делали операцию, а потом отправили на инвалидность.

– Вы думаете, что существует только язва желудка? Существует еще множество различного рода язв. Инфекционных и нет. Сибирская язва имеет кожную, кишечную и легочную формы заражения.

Под окном раздался долгий автомобильный сигнал. Столбов шагнул к окну и выглянул.

– Кур пугают, засранцы, – теперь это слово из его уст выглядело почти одобряющим. – Наши приехали с почты. Идут...

В дверь постучали через минуту. Алексей Владиленович вышел в коридор встретить, поскольку дверь так и не закрывалась. Вернулся вместе с двумя парнями.

– Никаких других газет, кроме областной, отец не выписывает. Даже районную не выписывает. Но время от времени ездит... ездил... в райцентр покупать разные газеты. Почтальон встречал его несколько раз с целой стопкой. От услуг почтальона отказался, потому что газеты перед покупкой просматривает. Покупал, говорит, не в киоске, а в районном отделении «Роспечати», чтобы иметь возможность просмотреть и старые.

– Да, он работал, конечно, выборочно. Знал, что его интересует. Я думаю, он подбирал материалы и в библиотеке. Надо поискать какую-то тетрадь или отдельные листы бумаги. Возможно, и ксерокопии, если в районной библиотеке есть ксерокс. Где-то должно быть... Поищите, пока я пролистаю эти газеты.

– Где-то у него в шкафу должны быть папки с документами и альбомы с фотографиями, – вспомнил Алексей Владиленович. – По крайней мере, так в моем детстве было. Отец аккуратный. Порядок любит, – с каким-то любованием повторил он то, что недавно рассказывал уже Тихонову. – И архив держал солидный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.